

детективная мелодрама

Галина РОМАНОВА

*Внимание:
неверный
муж!*

Детективная мелодрама

Галина Романова

Внимание: неверный муж!

«ЭКСМО»

2007

Романова Г. В.

Внимание: неверный муж! / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2007 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-22439-5

Ася безумно любила своего мужа Леонида. Так, что прощала ему многочисленные романы на стороне... Вот и сейчас она терпеливо караулит благоверного под окнами его новой пассии. И видит, что в той злополучной квартире, кажется, начинается пожар! Она мчится туда – спасти любимого изменника. Но удивляется, застав там лишь смертельно раненную девушку. Наверно, произошла ошибка – и Леонида не было в квартире! Так решает Ася и при помощи брата отвозит умирающую в больницу. А муж, который ни в чем не виноват, оказывается дома... Дальше все происходит, как в криминальном сне: неизвестные похищают Леонида, требуя обменять его на спасенную девушку. Ася мчится в больницу. И узнает, что таинственную пациентку кто-то вывез оттуда... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-22439-5

© Романова Г. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина РОМАНОВА

ВНИМАНИЕ: НЕВЕРНЫЙ МУЖ!

Глава 1

Абонент недоступен...

Абонент опять и снова был недоступен.

Неприятный, равнодушный до тошноты голос оператора советовал ей перезвонить позже. Он же не мог знать – этот холодный бездушный голос – о том, что смысла в очередном, двадцатом, наверное, по счету звонке не было. Абонент все равно будет недоступен. Он будет недоступен и через полчаса, и через час, и через сутки. Он будет недоступен, даже находясь в непосредственной близости от нее. Даже тогда, когда его можно будет потрогать руками. Он и тогда будет недоступен и недосыгаем, этот абонент, будь он трижды проклят!

Пусть вообще будет проклят тот день и час, когда судьбою было дано распоряжение свети их вместе. ЕГО и ЕЕ...

О, она ловко все подстроила, судьба-злодейка! Виртуозно поработав стрелочником, она застигла их врасплох тем майским вечером на бульваре, пропитанном горьковатой клейкостью тополиных листьев. Она – все та же самая судьба – вдруг сгребла в одну кучу все легкомысленные облака, в бреющем полете скользящие по небу, скомкала их, перемешала и, изрядно встряхнув, низвергла этим двоим – ему и ей – на головы ту самую майскую грозу, что положила начало их нелепым отношениям в их нелепой совместной жизни.

Судьбе заведомо было известно, мерзавке, что они, застигнутые врасплох майским ливнем, непременно побегут сломя голову в поисках убежища. Почему не побежать? Все бежали, и они тоже побежали. Причем бежали каждый сам по себе. Она тем вечером шла от подруги. Он... Он, кажется, просто гулял. А как же еще?! Гулял, конечно. Не высматривал же безмозглых наивных дур вроде нее. Просто дышал свежестью майского вечера.

Ага, побежали они, значит, под восторженное улюлюканье фатальной неотвратимости каждый своей дорогой. Бежали каждый своей, но почему-то почти одновременно вбежали в одно и то же чужое парадное. Едва не столкнувшись, вбежали. Нет, она, кажется, чуть приотстала – мешали каблукки.

В парадном было темно, сухо и очень холодно. Дом был сталинской застройки, с высокими потолками и толстенными добротными стенами, которые еще не успели прогреться с приходом весны. Она замерзла почти сразу. На ней было платье и кофточка с длинными рукавами. И все это такое стильное, такое тонкое и по-европейски едва осязаемое, что промокло почти мгновенно и, плотно облепив ее тело, теперь больше походило на освежающий компресс, нежели на одежду. Она отошла тогда к окну, пристроила локти на чистый свежыкрашенный подоконник и, выбивая зубами частую дробь, настороженно прислушалась к тому, что происходит за спиной.

А за спиной ничего не происходило. Парень, которого ей не удалось как следует рассмотреть, продолжал стоять, подпирая стену. Стоял и молчал. Пару раз в парадное входили жильцы, взрывая повисшую тишину громким топотом и хлопаньем тяжелых входных дверей. Затем слышалось гудение добротного старого лифта, и снова наступала тишина.

– В лифте теплее... – вдруг сказал он, не обращаясь к ней. Просто сказал, будто вслух подумал, и тут же повторил: – Там намного теплее.

Ей стоило бы что-то ответить, наверное. Что-нибудь вроде: вы так считаете? Или: да, да, может быть, вы правы... Но посиневшие от холода губы не желали шевелиться. И тогда

она просто повернулась и на негнущихся, облепленных тонкой материей платья ногах пошла к кабине лифта.

Он пошел следом, она это мгновенно почувствовала. Не услышала, а почувствовала, настолько неслышно он передвигался. Как хищник, готовящийся к прыжку... Но сил на панику у нее не оставалось. Она так застыла, что внутри, казалось, все покрылось хрусткой корочкой льда и позвякивало легонько при каждом ее шаге. Страх определенно не было. Были в избытке холодное, промерзшее равнодушие и дикое желание согреться. А вот страха... нет, точно не было.

Они вошли в лифт. И она тут же затерлась в угол, не переставая подрагивать. Он стоял к ней спиной и что-то делал там такое с кнопками лифта. Пиджак на его плечах вымок, но на спине оставался сухим. Брюки снизу были сырыми, до коленей. Печальная участь постигла и ботинки. Но в основном он был в выигрыше. Ей досталось куда как больше.

Наконец двери лифта плавно сомкнулись, кабина дернулась и медленно поползла вверх. И вот тут он обернулся и ней...

Лучше бы ему этого не делать никогда! Лучше бы ему вообще никогда не появляться на ее пути! Лучше бы никогда, никогда ей его не видеть и не встречать в этой жизни! Да что там в этой – и на том свете она теперь себе такого счастья не желает!

Она пропала почти мгновенно. И поняла это тоже мгновенно. По судорожно вздрогнувшему сердцу так сразу и поняла: пропала!!!

– Леонид, – представился он, не делая попыток сократить расстояние между ними. – А вы?

«Леонид... Леня... Ленечка...» – Она мгновенно перепробовала на вкус каждое из его имен, забыв назвать себя. Стояла, оторопело рассматривала парня и молчала.

– У вас есть имя? – нетерпеливо переспросил он.

– Имя? Кажется... Кажется, есть.

Называть собственное имя ей ужасно не хотелось по той простой причине, что оно ей совершенно не нравилось. Стоит ей сейчас его назвать, как тут же последует неременное сопроводительное хмыканье. Она этого не любила и даже стеснялась.

– Итак? – Леонид вопросительно поднял совершенную по форме темную бровь.

– Ася...

Хмыканье последовало. Многозначительное такое, сопровождаемое характерным для данного случая вопросом. Она вспыхнула и отрицательно качнула головой:

– Нет, не Клячина! Почему обязательно Клячина?!

– Не кипятитесь, я пошутил. – Он сунул руки в карманы брюк, слегка качнулся на каблуках промокших вдрызг ботинок и улыбнулся ей обезоруживающе и раскрепощенно. – Ася так Ася. Согрелись?

Она не знала. Она ничего уже не знала и не соображала. Согрелась ли она или по-прежнему стучит зубами от холода и приставшей к телу сырой одежды? Хорошо ли ей или плохо? И что она вообще сейчас собой являет? Чучело в мокром платье со спутанными прядями вымокших волос, с размазанной тушью, с посиневшими от холода губами и красным кончиком носа... Важно ли это?! Она даже неловкости не испытывала от того, что, возможно, неважно сейчас выглядит. Обычно это ее очень заботило. Сейчас нет. Она смотрела на него и видела только его, додуматься посмотреть на себя со стороны она не сумела. Потом это не раз служило ей упреком. Не раз...

В тот момент она видела только его – Леонида.

Он был потрясающе хорош собой. Чернявый, мускулистый. Но не мачо, нет. От грубой, первобытной силы мачо в нем не было ничего. Ни самоуверенных жестов, ни понимающих пронзительных глаз, ни повелительного шевеления губами. Утонченный, гибкий и... неподражаемо неповторимый.

Ее возбужденный взгляд охватил его всего как-то вдруг и сразу, охватил и тут же как бы примерил на себя.

Охватил едва уловимый, в меру проступающий шарм и физическую силу, натянувшую пуговицы на груди его сорочки, и еще лицо... Таких мужских лиц она всегда боялась. Оно было не просто красивым – оно было очень красивым. И в тот момент она не знала, что ей со всем этим делать.

Кстати, так не узнала и до сих пор.

Ее Ленечка, ее неподражаемо прекрасный Ленечка так и не определился со своим местом в этой жизни. Не сумел определить и ее на нужном месте рядом с собой. Вот и мыкались они третий год – вроде бы вместе, но и как бы врозь.

Ася страдала. Страдала всем своим любящим сердцем, всей своей измотанной душой. Верила, ждала, надеялась, но... ничего не менялось. Не менялось, а становилось только хуже...

Она натянула на кулак рукав свитера и протерла им запотевшее ветровое стекло «Жигулей». Сидеть в машине с выключенным мотором было малопривлекательно. Стекла без конца запотевали, ноги подмерзали. Но прогревать машину было нельзя. Шум мотора в два часа ночи под окнами чужой двухэтажки непременно привлечет к себе внимание. А привлекать внимание нельзя. Она должна сохранять инкогнито. Она вышла на след, и ей ни в коем случае нельзя допускать, чтобы ее опять запутали и оставили с носом.

Она наконец-то вычислила своего Ленечку. Пускай ей хоть сотню раз твердят пустые бестелесные голоса, что абонент находится сейчас вне зоны действия сети. Она-то знала, что это не так. Сейчас он как раз в зоне действия, ее Ленечка! Определиться бы еще, что это за действия, и тогда...

Ася вдруг заскулила тоненько и противно. Плакать сил уже не было, да и не хотелось. Она именно заскулила, как забытая всеми, брошенная на произвол судьбы собачонка.

Что с ним? Кто с ним? И почему именно с ним?

Она же здесь, рядом, и любит его, и ждет... Почему он не с ней сейчас? Почему?! Неужели та самая роковая случайность, что заставила ее тогда прижаться к его широкой груди в лифте, так и будет вести ее по этому неправильному пути, которым она идет вот уже третий год?

Окно второго этажа вдруг разорвало ночную темень яркой вспышкой света. Ася занервничала. Света в этом окне не было с половины одиннадцатого. Сначала он исправно горел. Загорелся минуты через четыре после того, как ее Ленечка зашел в подъезд. Было это... Да, точно, что-то около десяти. Он зашел в подъезд, а Ася кинулась бегом вокруг дома. Быстро просмотрела оба этажа по периметру. Убедилась, что на втором по-прежнему освещено два окна в центре, а на первом – два боковых. Запахавшись, вернулась в машину, и вот тут свет и зажегся.

Итак, она не ошиблась. Он посещал именно эту квартиру. Именно квартиру под номером восемь. Это был шестой его визит за минувшие две недели, и она теперь в этом была практически уверена. Ленечка ходит в восьмую квартиру.

Обычно он приходил, включался свет и горел часа два-три. Сегодня все пошло по другой схеме: свет горел лишь полчаса. Потом погас, но Ленечка выйти не соизволил. Он оставался там. И вот сейчас... почти в два часа ночи он наконец проснулся. Вопрос – с кем?

Ася пристроила руки на руле, уложила на них подбородок и с тоской уставилась на свещающийся прямоугольник окна.

Банальное окно с выкрашенной банальной охрой рамой. Дешевые шторы из ацетатного шелка и крупные цветы по тюлевому полотну. Полное отсутствие вкуса – ну полное отсутствие! – попеняла Ася, вспоминая свою ухоженную до стерилизованного лоска квартирку. Но о вкусах не спорят. Может, он и не замечает подобной нелепости. Что ему в этих шторах?

Хозяйка дома, должно быть, очень хороша, раз Ленька ходит сюда раз в два-три дня. Завидное постоянство. Хотя чему удивляться, с ней лично он встречался примерно по такой же схеме...

После романтического знакомства в лифте он проводил ее до дома. Облобызал руку и, не напрашиваясь на чай, исчез. Ася затосковала, стоило ему свернуть за угол дома. Леня сразил ее наповал, сразил настолько, что она даже позволила себе неблагоразумно прижаться к его широкой сильной груди. Подобной вольности она себе раньше никогда бы не простила. Но тут был не тот случай. Тут случай был особый. А Ленька взял и просто ушел.

Два дня она ходила сама не своя, плохо ела, плохо спала, почти не разговаривала. Любимая и единственная подруга Сашка сразу заподозрила неладное и хотела даже тащить ее в районную поликлинику. Но потом, присмотревшись к ней повнимательнее, обреченно вздохнула, проговорив: «Ты влюбилась, старуха». Даже спрашивать ни о чем не стала, ограничившись такой вот печальной констатацией. И правильно, между прочим, сделала, что не спросила. Ответить Асе было нечего. Она ровным счетом ничего не знала о парне из гулкого холодного парадного, кроме того, что зовут его Леонид, и того еще, что он неподражаемо хорош собой. Ну, и еще то, что при мыслях о нем с ней начинало твориться что-то невероятное – от внезапно учащающегося пульса до неожиданных необъяснимых слез. Но это уже было из разряда эмоций, их к делу пришивать было нельзя. Александра обошлась без комментариев. Впрочем, Ася и не настаивала.

А Леонид появился под Асиными окнами через два дня после неожиданной майской грозы. Она возвращалась с работы, когда ей позвонила на мобильный Александра и зловещим шепотом предупредила:

– Готовься, мать, он здесь!

– Кто?! – не то чтобы Ася испугалась, но внутри ее все как-то вдруг оборвалось и мелко-мелко задрожало. – Ты о ком, Сань?

– О предмете твоего нездоровья, милочка!

– О каком предмете? – Она начала понемногу прозревать, просто боялась еще откровенно надеяться. А вдруг Сашка ошибается или что-то путает. – Чего говоришь-то, не пойму...

– А то! Тут у нашего подъезда второй час отирается тип один. Судя по его физиономии, это он и есть. – Подруга жила двумя этажами ниже, окна ее, из которых великолепно просматривалась не только территория их двора с длинным рядом ребристых «ракушек», двумя утлыми песочницами и парой подъездных лавочек, но и большая часть проспекта и магазин напротив, выходили как раз во двор. – Слышь, Ася, а у него букет и жуткое недовольство на физиономии. Ты что, опаздываешь?

– Да нет... Я, собственно, ни с кем и не договаривалась... И вообще, может, это и не ко мне... – Она все еще боялась надеяться. – У нас полдома на выданье, чего ты сразу его ко мне приплела?

– Да то, что он, во-первых, жутко похож на мужчину твоей мечты, то есть вылитый Бандерас недорезанный, правда, несколько обрусевший; во-вторых, он просто точная его копия, а в-третьих...

– Ну и что в-третьих?

– Он тут ходил по квартирам, звонил в двери и спрашивал Асю. Второй Аси у нас в доме нет. Как тебе?

– И к тебе заходил? – слабеющим от счастливого предвкушения голосом спросила она Сашку.

– А то! Ко мне он зашел к одной из первых, наверное. Ты же знаешь, как мужикам моя дверь нравится. – Александра довольно хмыкнула. Свою дверь, предмет их постоянных споров, подруга обила ярко-розовой кожей. Отыскала еще к тому же непонятно где гвозди, шляпки которых были в виде пронзенных стрелой сердец. – Это тебе она не по сердцу или не по карману, не берусь утверждать точно. А мужикам... Мужикам она нравится. Она их возбуждает!..

Представлять себе Леонида, возбудившегося на Сашкину дверь, Асе не хотелось. Но сама мысль о том, что он все же вернулся, ее окрыляла. А то, что вернулся не просто так, а с букетом, окрыляла вдвойне.

Свидание было простым и милым. Объяснение через пару месяцев было еще более простым, но от того не менее милым. Ленечка просто вдел ее безымянный палец в узкое колечко с миленьким камушком и проговорил:

– Ну вот, кажется, и все...

– Что все? – спросила тогда она, боясь поверить в счастье, свалившееся на нее так вот вдруг и сразу.

– Теперь мы обручены.

– Считаешь? – Ася радостно фыркнула. – А что потом?

– А потом будет много-много долгих лет, наполненных уютными буднями, счастливыми праздниками и чем-нибудь еще. Ты же не можешь мне отказать в такой малости, а, Аська?

Она не отказала, забыв уточнить, что им подразумевалось под «чем-нибудь еще». Как показало время, зря не уточнила. Ох как зря! Не сидела бы теперь под окнами этого чужого, погруженного в глубокий сон дома в два часа ночи, не караулила бы своего непутевого красавчика Леньку, как называла его Александра. И не заходило бы ее сердце в такой дикой скорби на предмет загубленной молодости и погранных чувств...

Ася скосила глаза на часы – половина третьего. Свет продолжал гореть. Стало быть, сцена прощания затянулась. Сейчас в перерывах между первым и вторым шнурком на его ботинках должны были журчать какие-нибудь «муси-пуси», «киска-мурьсыка», «котик-обормотик» и еще какая-нибудь хрень. Потом затяжные поцелуи с фальшивыми непременными стонами. Пошлепывание, пощипывание...

Фу, гадость какая...

Почему-то Асе казалось, что ничего, кроме грязной, тривиальной интрижки, не могло происходить в квартире номер восемь с нагло светившимся окном в половине третьего ночи. Глупой, пустой, распушенной интрижки, которая ничего не могла значить ни для него, ни для нее лично. Она ведь все переживет. Переживала и не такое. А уж тюль в цветках и ацетатные шторы и подавно переживет. Да и кто там может жить, за такими-то шторами? Какая-нибудь продавщица из супермаркета, что неподалеку. Или нелепая библиотечарша, мечтающая сделать карьеру топ-модели. Или...

Асе вдруг снова захотелось завывать. И не просто тоненько попискивая, а завывать в полный голос, во все горло, чтобы стряхнуть дрему с близлежащих домов и деревьев. Чтобы всколыхнуть безмятежность глубокой ночи, заставить ее вздрогнуть, а заодно и тех, чье прощание было сейчас для Аси как затяжной прыжок.

Свет в окне второго этажа продолжал гореть...

Воспаленными от вынужденной бессонницы глазами Ася смотрела на проклятый светящийся прямоугольник, тискала шершавую оплетку руля и пыталась уговорить себя уехать наконец с этого места.

Ну, сколько же можно так себя мучить?! Сколько можно с напряженным вниманием вглядываться в эти дурацкие шторы и мучиться, и страдать, и сдерживать рвущийся наружу вой, пытаясь угадать то, что там за ними сейчас происходит?!

Она устала. Устала, замерзла и хочет спать. Хочет в горячую ванну. Хочет горячего крепкого кофе, такого, чтобы ложка в нем стояла, как в сметане. Огромную кружку сладкого черного кофе с огромным ломтем лимона, лениво омывающим бока в непроглядной глянцевой пахучести... А потом спать! Влезть в теплую удобную пижаму, укутаться с головой одеялом так, чтобы только нос один торчал, и уснуть. И спать потом как можно дольше, не просыпаясь. А проснувшись, обо всем тут же позабыть. И про мучительное ожидание, и про холод, и про окно это идиотское, промозолившее ей все глаза петушиным орнаментом тюлевой занавески.

Все, все, все забыть. Потому что утро окажется теплым и милым. Солнце будет неслышно бродить по сонной квартире, тщетно пытаясь натолкнуться на патриархальный пылевой столб. Ленька будет спать рядом, разметав свои темные волосы по подушке. И это – только это! – будет важным тогда. То, что они вместе. То, что он рядом. То, что его рука хозяйски прижимает ее к себе. А он, еще до конца не очнувшись ото сна, губами проделывает брешь в ее волосах, пытаюсь раскопать самый нежный участок ее шеи за ухом...

Но вместо того чтобы ехать домой, Ася который час сидит в выстуженной машине и продолжает пялиться на чужое окно, словно ее измученный интерес способен что-то изменить.

Ася потеряла глаза, на мгновение прикрыла их, снова распахнула и снова подняла их ко второму этажу.

Свет по-прежнему горел.

Господи, как же она устала! Как она вообще до дома доберется, если сил не осталось почти ни на что? Она даже просто смотреть уже не может. Взгляд расплывается, ерзает, перепрыгивает с оконного переплета на подоконник, с подоконника на форточку, и это жутко мешает ей сосредоточиться. Стало даже казаться, будто нелепые шелковые шторы вздымаются парусом и реют по комнате, отбрасывая странные, раскрашенные ацетатным блеском отсветы на оконное стекло.

– Чудеса твои, господи! – прошептала Ася удрученно, снова протерла запотевшее стекло машины и, с минуту поморгав, попыталась сосредоточиться. – Не проходит! Ни черта не проходит!

Застегнув легкую куртку до самого подбородка, она открыла дверь машины и выбралась наружу. Осторожно, стараясь не щелкнуть замком, прикрыла дверь и опасливо оглянулась. Вроде никого...

Дом, где сейчас прелюбодействовал ее красавчик Ленька, располагался в самом центре города. Хороший дом, с толстыми стенами, чугунными перилами мраморных лестниц, добротным полом и высоким потолком. Таких сейчас не строят, такие строились давно и на века. Уютный дворик, с детскими качелями и яркой полиуретановой трубой, причудливым лабиринтом изогнувшейся в окружении кустарника. Все это было неплохим дополнением к патриархальной прочности двухэтажного строения.

Асе здесь не было страшно. Ей здесь даже нравилось. Предыдущее место, куда таскался ее непутевый красавчик Ленечка, нравилось ей куда как меньше – старая хибара на пустыре в забытом богом районе. Бр-р-р, она до сих пор не может без содрогания вспоминать странных людей, незримыми тенями скользивших в ранних сумерках мимо ее машины. Нет, здесь народ совсем другой. К семи часам почти все бывали дома. Ближе к десяти укладывались спать. Только вот квартира номер восемь выбивалась из общей картины своим скандальным неповиновением заведенному порядку.

Ася поежилась в пустоте прохладной ночи и помахала руками вверх-вниз, пытаясь согреться. Потом снова подняла глаза к окну на втором этаже и тут же ахнула. Что за черт?!

Она зажмурилась, сомкнув ресницы с такой силой, что заныла кожа век. И снова распахнула глаза навстречу окну восьмой квартиры.

Ничего ей не мерещится! Кого она пытается обмануть?! И с глазами у нее все в порядке, и с фокусированием взгляда ничего не приключилось. И шторы... идиотские шторы из дешевого ацетатного шелка... реют по комнате самым натуральным образом, потому что снизу от подоконника их лижут языки пламени. А свет... свет по-прежнему горит в этой квартире. И из нее по-прежнему никто так и не вышел. Ее Ленечка, в частности.

На то, чтобы принять решение, Асе понадобилось не больше десяти секунд. Не заботясь больше о сохранении инкогнито, она пискнула сигнализацией, закрывая машину, и помчалась к подъезду, перескакивая через апрельские лужи с прытью антилопы. Тяжелая подъезд-

ная дверь отлетела в сторону. Первая ступенька, вторая, третья, площадка, снова лестница. Господи, какие холодные перила! Почему в таких домах всегда ужасно холодные перила?

Дверь в квартиру традиционным для данного случая образом оказалась не заперта. Более того, она была на треть приоткрыта, и в образовавшийся проем был виден узкий темный коридор, оклеенный полосатыми обоями. На лестничной площадке едва ощутимо пахло дымом, пламени из коридора видно не было. Может, Ася ошиблась? Может, это никакой и не пожар, а ее ночные галлюцинации от долгих бдений в засаде? Тосты подгорели, вот! А она себе все придумала...

– Леня! – позвала она громким шепотом и оглянулась на дверь соседней квартиры за спиной.

Глазка там не было. И слава богу! Не хватало Асе ко всем прочим радостям еще и полуночных свидетелей. Достаточно того, что придется сейчас нос к носу столкнуться с любимым мужем и как-то еще ему объяснять собственное присутствие у двери квартиры под номером восемь.

– Леня! – чуть громче позвала Ася и, поколебавшись с минуту, вошла в узкий коридор. Толкнула спиной входную дверь, глубоко втянула воздух, едва отдающий гарью, и снова крикнула: – Леня, отзовись немедленно! Я знаю, что ты здесь! Что здесь происходит вообще?! Почему пахнет дымом, ответь?!

«Я определенно схожу с ума, – вдруг запоздало закралось ей в голову мысль. – Ясно же, что в квартире никого нет, раз никто не отзывается. Почему-то дверь открыта... Почему, кстати? Уж не потому ли, что кто-то, убегая, забыл ее запереть? А с чего это кому-то убежать нашкодившим щенком? Из-за забытой на под-оконнике сигареты или... Так, стоп, Леня же не курит, при чем тут сигарета?!»

– Леня! – снова позвала Ася уже менее уверенно и сделала еще пару шагов по коридору.

Поразительно, какими длинными могут казаться коридоры и какими мелкими и несущественными шаги. Ася оторвала свой взгляд от входа в комнату, освещаемую неровным, дергающимся светом – видимо, пламя все же имелось и разрасталось с каждой минутой, хотя дымом еще пахло слабо.

Нужно, ей нужно войти туда. Войти, убедиться, что ничего страшного не произошло, и уйти. Сесть затем в машину и мчаться домой... Просто нужно пересилить собственную неуверенность и страх и войти, что бы там ни обнаружилось. Может, там и страшного ничего нет. Может, действительно у хозяйки подгорели хлебцы. А дверь квартиры была открыта потому, что хозяйка вышла к соседке. Так ведь?

Ни черта не так! Какая соседка в половине третьего ночи?! Какие тосты, если горелым хлебом не пахнет, а вполне определенно отдает тлеющим текстилем?! И почему же никто так и не отозвался до сих пор?! Пьяные они все тут, что ли?!

Ася продвинулась еще на полметра и замерла на пороге комнаты, отгороженной от узкого, кажущегося бесконечным коридора тонкой застекленной дверью. Все, что теперь требовалось, так это потянуть за ручку дверь на себя, убедиться, что все ее страхи не более чем вымысел, и затем удирать отсюда подброду-поздорову.

Последнее, что успела Ася подумать, прежде чем войти в комнату, так это чтобы Леня там не оказалось. Все, что угодно, но только не это. Пока он не пойман с поличным, его можно считать невиновным. Пусть призрачная, убогая, но все же отсрочка. Ася понемногу, но уже привыкла к мысли, что ее муж может принадлежать кому угодно, кроме нее. Она свыклась с этой мыслью, срослась с ней костями и мясом, но все же это было не более чем ее мыслью. Пусть мучительной, но всего лишь мыслью. А вот видеть... нет, этого она уж точно не переживет...

Леньки, Ленечки, Ленчика, ее любимого и единственного Леньки в комнате не было. Зато обнаружилось кое-что другое, что мгновенно заставило Асю забыть и о нем, и о собственной боли, и о долгих бесполезных часах, проведенных в ожидании.

В комнате, постепенно окутывающейся густыми клубами дыма, и в самом деле занимался самый настоящий пожар. Шторы, дурацкие шторы, которые последние две недели стояли у нее перед глазами, стоило ей их прикрыть, выгорели почти полностью. Теперь огонь перекинулся на платяной шкаф. Фанера лениво тлела, не желая заниматься ярким пламенем, и жутко дымила. Впору было закашляться от удушья, но Ася кашлять не стала, натянув по самые глаза высокое горло свитера.

Надо было уходить! Надо было непременно уходить, и забыть, и не вспоминать больше ни об этой комнате, ни о причине, заставившей ее здесь оказаться. Леньки здесь нет, это очевидно. Если он и был, то успел уйти. Пора было и Асе уходить, но что-то удерживало ее на месте. Что-то не позволяло метнуться назад и убежать сначала длинным узким коридором, потом гулким парадным с холодными гладкими перилами лестниц. Это что-то привиделось ей сбоку широкого разложенного дивана и по форме своей очень сильно напоминало голую женскую лодыжку. На сам диван Ася старалась не смотреть. Разбросанные подушки, скомканное одеяло и сбитые простыни... О том, что могло происходить на этом расхристанном ложе, можно было только догадываться.

Глаза вдруг нещадно зашипало, то ли от дыма, то ли от глупых догадок, которые, тесня друг друга, полезли в голову. Ася глубже спрятала нос в воротник свитера и метнулась к тому месту, где угадывалось очертание женской ноги.

Шкаф продолжал нещадно дымить, никак не желая разгораться, и оттого дышать стало почти невыносимо. К тому же едкий дым вдруг еще настойчивее полез в глаза. Надо было торопиться...

Опуская церемонии, Ася прошла в ботинках прямо по дивану и свесила голову туда, где между диваном и стеной зияло полуметровое пространство. Ася свесила голову и тут же резко отпрянула.

Молодая женщина, которую она успела возненавидеть заочно, лежала на боку, поджав под себя правую ногу. Левая была сильно вытянута, словно женщина пыталась опереться ею во что-то невидимое. Ее-то Ася и заметила, стоя у входа в комнату. Теперь же, старательно подавляя тошноту, она застыла в неудобной позе, глядя на лежащую, и тщетно пыталась уговорить себя сохранять хотя бы видимость спокойствия.

– Твою мать!!! – выдохнула она в жесткую шерсть свитера мгновение спустя. – Что же делать-то? Эй, ты! Ты жива или нет?

Молодая женщина, по Асиным ехидным предположениям продавщица супермаркета либо несостоявшаяся топ-модель, та, что любила тюль в крупный цветок и яркие шторы из ацетатного шелка, лежала сейчас без единого клочка одежды в луже собственной крови. Длинные светлые волосы, склеившись прядями, были перекинута на одну сторону, открывая лицо удивительной красоты и бледности. Правое плечо упиралось в подбородок. Руки стиснуты в кулаки и прижаты к груди. Тончайшая талия, длиннющие ноги... На роль топ-модели эта дамочка подходила как нельзя лучше. Только вот ее теперешнее положение оставляло желать лучшего.

Кровь, кровь, повсюду кровь. На спинке дивана, на обоях, на руках, судорожно стиснувших грудь. На животе, на ногах... Столько крови Асе еще никогда не доводилось видеть. Человеческой крови, успевшей подернуться матовой пленкой и издающей тошнотворный сладковатый запах.

Что-то нужно было делать со всем этим. Что-то срочно, просто безотлагательно нужно было со всем этим делать... Только что?!

Ну, вызовет Ася «Скорую»... Та приедет. Затем приедут пожарные. А они непременно вызовут милицию. Начнутся вопросы, понимающее хмыканье, протоколы там какие-нибудь... Появится дознаватель с умным проницательным взглядом выстуженных чужим горем глаз. И снова будут вопросы. Что делала под окнами этого дома в столь поздний час? Так это... мужа своего караулила. А кто у нас муж? Так это... ведущий программист одной солидной фирмы. А что он тут делал в такое время? Так... не трудно же догадаться – навещал свою знакомую. А почему после его визита знакомая оказалась в таком плачевном состоянии? Нет, что она абсолютно голая, это логично. Но вот почему в крови и без сознания? И где, собственно говоря, сейчас этот самый ведущий программист? Почему его нет в квартире? Которая к тому же еще и горит синим пламенем...

Ася крепко зажмурилась и попыталась проглотить комок, который вечно начинал ей мешать дышать в таких вот ситуациях. Какой там, к черту, дым, когда и без дыма дышать стало нечем! Вовсе даже дым и ни при чем!

Нет, не квартира эта дурацкая сейчас горит, это жизнь Асина занялась синим пламенем. И ярко полыхает, выстреливая в небо последними искрами глупых бабьих надежд.

Вся картина допросов и разбирательств с такой поразительной точностью возникла в Асином воображении, что ее в который раз за последние минуты замутило.

Могла ли она допустить подобное?! Могла ли допустить, чтобы эта дрянь – ее непутевый красавчик Ленечка – сотворил с ней, с ними, с их семьей подобное?! Суровые мужи в формах и кокардах, наручники, с омерзительным лязганьем захлопывающиеся на запястьях, сочувственные вздохи и скорбные взгляды ей в спину...

Нет! Все, что угодно, только не это! Пускай Ленечка со своей жизнью делает все, что ему хочется, но с их общей, с ее жизнью конкретно – она не позволит ему ничего такого совершить! «Позор!!» – прошипел Асе в самое ухо полустертый расстоянием папин голос.

«Ах, боже мой, какой позор!!! – зазвенел в другом ухе истеричный возглас мачехи. – Что скажут люди?»

А в самом деле, что они скажут, всплыви вся эта ужасная история в их великосветских кругах? Что дочь уважаемого Константина Ивановича попала в ужасную историю? Или что это закономерный финал, благодатно возвращенный ее упрямством и дочерним неповиновением?..

Ася беспомощно оглянулась. Нет, нет, она точно не допустит ничего подобного. Она что-нибудь непременно придумает.

Резко выпрямившись и снова прошагав прямо в ботинках по дивану, Ася побежала в прихожую. Убедившись, что входная дверь захлопнулась на замок, она ворвалась в ванную и, открыв краны на полную мощность, принялась наливать воду во все имеющиеся в наличии тазики и ведра. Потом, поочередно хватая наполненные, она принялась метаться между ванной и комнатой, заливая огонь. Соседи снизу ее не беспокоили по той простой причине, что за две недели Асиных наблюдений в квартире, что находилась прямо под восьмой, ни разу не горел свет. То ли там никто не жил, то ли хозяева находились в отъезде. Причина ее не волновала. Света не было, значит, не было и людей. Так что с этой стороны неприятностей быть не должно.

У Аси ушло минут двадцать на то, чтобы загасить все очаги упрямо тлевшего огня. Пламя фыркало, трещало, не желая сдаваться, обдавало ее клубами удушливого дыма, но она терпела. Восемь шагов от шкафа до ванной и восемь обратно. Снова восемь шагов туда и снова обратно. Она расстегнула куртку. Через пару рейсов сняла ее, бросив на развороченную постель. Но все равно было жарко. Спина и грудь под шерстяным свитером взмокли. Короткие жесткие волосы встали ежиком. Ладони саднило, но она продолжала метаться. Ася, наверное, вылила целую тонну воды, прежде чем до нее дошло, что ничто уже не трещит и не стреляет искрами.

Тогда она широко распахнула все форточки в квартире, чтобы избавиться от дыма. Отнесла в ванную оба ведра и тазики, вымыла лицо и руки. И лишь после этого вернулась к молодой женщине, спасение которой для чего-то вдруг взвалила на свои хрупкие плечи.

Поза, в которой Ася застала хозяйку квартиры за ее же собственным диваном, не поменялась. Те же стиснутые на груди руки, прильнувший к плечу подбородок и сильно вытянутая левая нога. С содроганием Ася дотронулась до ее запястья, ища пульс.

– Ну и что мне с тобой делать? – прошептала горестно, нащупав слабое биение. – Что?!

Слезла с дивана, по которому по-прежнему разгуливала в ботинках. Протиснулась в нишу, где в луже крови лежала ее соперница, и попыталась приподнять ее. Тщетно – голое окровавленное тело было неподъемно тяжелым. К тому же еще выскальзывало из рук. Изгваздав в крови свитер и джинсы, измучившись и окончательно обессилев, Ася потянулась за курткой и, нащупав мобильник, набрала номер Ленки.

Черта с два он откликнулся! Как и час, и два, и три назад, он все так же был недоступен.

– Ну, не гадина? – воскликнула Ася со слезой и брезгливо покосилась на окровавленную блондинку. – Сам смылся, нащелкав своей пассии по башке, а мне теперь возись с ней. И ведь не понимает, что, умри она, сидеть ему в тюрьме как миленькому.

И у Аси снова появилась трусливая мыслишка сбежать отсюда подобру-поздорову. В конце концов пожар она потушила, девицы кто-нибудь обязательно хватится. Или она сама со временем может прийти в себя. Что от нее, от Аси-то, требуется? Ничего! О ее присутствии в этой квартире никто и не догадывается, так что...

Все говорило за то, что она может оставить здесь все как есть и уехать. Но плоды папиного воспитания вдруг заколосились молчаливыми упреками, и напоминание об элементарном гражданском долге было самым из них безобидным.

Нет, уехать просто так, оставив блондинку умирать, Ася не могла. Самостоятельно дотащить ее до машины тоже не могла. Сашку просить о помощи – дело пропащее. Сил в ее тощих ручонках ничуть не больше, чем у самой Аси. К тому же та начнет квохтать, охать, причитать, разбудит чего доброго соседей, и тогда... Нет, Сашкина кандидатура не подходила. А Ленка – истинный виновник той дерьмовой ситуации, в которой Ася оказалась, на звонки не отвечает. Что, стало быть, следует делать? Правильно! Надо как можно скорее звонить Ваньке-ироду...

Ася тяжело, почти с присвистом вздохнула, вспомнив о собственной клятве, оброненной ею во зле: никогда и ни при каких обстоятельствах больше не звонить сыну своей мачехи. Это она теперь так его называла: сын моей мачехи. А когда-то он был для нее братом. И никак иначе она его друзьям не представляла.

– Это мой брат, – кокетливо стреляла она глазами в толпу подруг и прятала торжествующую ухмылку на предмет их восторженных всхлипов. – Ванечка...

Она даже научилась называть его по-особенному. Как ее любимая Люба из любимого фильма «Офицеры»: мягко так, нежно, с неизменными собственническими модуляциями в голосе. Только потом он стал Ванькой-иродом – когда разбил сердце ее любимой Сашке. Это ведь после него Сашка решила обить свою дверь той ужасной ярко-розовой кожей с чудовищными гвоздями-сердечками по периметру всей дверной коробки. Так сказать, своеобразная акция протеста в адрес его подлой утонченности. Так-то вот он из Ванечки и стал Ванькой-иродом.

– И-ии чем обязан, сестренка? – хмыкнул ирод так погано-догадливо, что Асе тут же захотелось нажать на кнопку отбоя.

Причем на звонок Ванька ответил почти сразу. Будто и не спал он вовсе в это самое ночное время, а только и дел у него было, что сидеть и ждать ее звонка и неизменных извинений. Он ведь когда-то так и предсказал, глядя в ее удаляющуюся спину: что она обязательно позвонит ему первая, да еще и извиняться будет за собственное недостойное поведение. Извиняться она, конечно же, не собиралась, а вот поздороваться была просто обязана.

– Привет, – нейтральным голосом поприветствовала сводного брата Ася. – Как дела? Чего не спишь?

– Аська, что-то случилось? – Его голос надломился в тревожном вопросе, что всегда прежде приводило ее в заблуждение.

Ирод мог прикинуться и заботливым, и чутким. Мог с таким участием смотреть тебе в глаза, что мгновенно хотелось рассказать ему все про себя, про друзей, про подруг и потом снова про себя. Рассказать даже то, чего на самом деле и не существовало вовсе. Только ради одного такого вот его участливого взгляда.

Мерзавец! На самом-то деле он таковым вовсе не был. На самом-то деле он был подлым, хитрым и... иродом, одним словом.

– Случилось! – рывкнула Ася и покосилась на женщину, все так же без движения лежащую у стены. – Еще как случилось!

И замолчала. Как сказать ему о пожаре и об этой даме? Как?! Ирод же сразу пристанет, прилипнет клешом и начнет вытягивать из нее все по слову! Мол, а почему моя милая сестренка в начале четвертого ночи, вернее, уже утра не в кровати? А где твой мачо доморощенный и почему он отпустил тебя ночью из дома одну? А что ты там делаешь в такое время?

Раньше рассказать ему правду она смогла бы легко, но вот после Сашки...

– Я догадался! – противно хохотнул ирод Асе. – Ты позвонила мне, чтобы извиниться. Пиковое время – четыре часа утра. В это время людей по статистике посещает раскаяние, мысли о самоубийстве и...

– Заткнись, – устало попросила его Ася, испытав вдруг чудовищное облегчение от того, что слышит его голос. – Заткнись и слушай, Вань. Я в такой заднице...

Ваньке надо было отдать должное – он слушал ее, не перебивая саркастическими замечаниями. Подробности, которые она благо разумно опустила, наверняка его очень волновали, но он ограничился лишь немногословным замечанием:

– Как я понимаю, в этой самой заднице ты оказалась по вине своего красавца. Н-да, Аська... Подробности, думаю, тянут не на одну бутылку коньяка. Так? Называй адрес, я сейчас подъеду. И слушай меня, Аська: выключи свет и никому не открывай дверь. Я приеду и постучу, как обычно. Все поняла?

– Все! – Она так обрадовалась, что, забыв поблагодарить его за участие, тут же отключилась.

Ванька приедет! Господи, какое счастье переложить хоть какую-то часть непосильного груза, свалившегося на нее в эту изнурительную ночь, на чужие плечи. А Ванькины плечи были о-го-го какие! На них сам бог велел вваливать проблемы. С Сашкой только вот у них не пошло. Ну, да ладно, это разговор еще на пару бутылок коньяка. Глядишь, что-нибудь да прояснится. В прошлое их объяснение они больше орали друг на друга и слышали каждый сам себя, а эмоции в таком деле плохой союзник. Теперь же можно будет и прояснить ситуацию, отчего это Сашка после разрыва отношений с Иваном пару недель не отзывалась даже на Асины звонки и видеть никого не хотела. Не влюбилась же она в него без памяти, в самом деле! Кто-то, а Сашка себе такой роскоши не позволяла никогда, хотя...

Ася решила не забивать себе пока голову еще и этим. Она выключила свет в комнате, надела куртку и замерла у окна, поджидая Ваньку-ирода, у которого появилась вполне осязаемая возможность реабилитироваться в ее глазах. Хотя сам он об этом наверняка еще и не подозревал.

Она стояла довольно долго, прежде чем раздался условный стук в дверь: три раза по два коротких и один затяжной – последний.

Стояла, просматривая территорию милого дворика, и поражалась тому, как мало ей удалось его рассмотреть, сидя в машине. Израсходовав все свои силы на наблюдение за домом, она совсем упустила из виду тот факт, что справа, чуть ближе ко второму подъезду соседней двухэтажки, есть еще одна автомобильная стоянка. Наверное, и машины там постоянно парковались, а она не заметила. Ни разу ведь не заметила! Там и сейчас стояла машина. Разобрать

марку в предутренней апрельской темноте ей не удавалось, но вот мерцание огонька чьей-то сигареты внутри Ася рассмотрела вполне отчетливо.

Ванька, как и ее Ленечка, не курил. Так что подозревать его в том, что он подъехал и теперь наслаждается своей первой за утро или последней за ночь сигаретой, было глупо. А у Леньки мало того, что не было пагубной тяги к сигаретам, так еще и машины не было. Он принципиально не хотел садиться за руль, пользуясь такси или городским транспортом. Блажь ли то была либо псевдопролетарский налет, оставленный ему в наследство родителями-коммунистами, то было Асе неведомо. Но факт оставался фактом: Ленька не мог сейчас сидеть в машине и курить.

Тогда кто?

Асе сделалось по-настоящему жутко. А что, если этот курильщик, как и она недавно, наблюдает сейчас за квартирой номер восемь? И наблюдал все то время, пока она здесь находилась. И видел, как она металась по квартире с ведрами и тазами, заливая огонь. И рассмотрел ее отлично, потому что шторы к тому моменту выгорели по самый карниз. Какая же она дура! Почему было не оглядеться по сторонам? Почему было не обратить внимание на предметы, ее окружавшие? Нет ведь, вперила взгляд как зачарованная на это идиотское окно, будто оно средоточие Вселенной, и проморгала коллегу по цеху наблюдателей...

Вспомнив о том, что Ванька, который спешит ей на помощь, может быть запеленгован курящим невидимкой, Ася потянулась было к мобильному телефону, и вот в этот самый момент и раздался условный стук в дверь.

– Вань, ты?! – спросила она из-за двери.

– Я, открывай, – произнес он тоном, не сулящим ей добра.

Оно и понятно, она ж теперь по самые уши у него в долгу. Что согласился выслушать и помочь – в долгу. Что приехал – в долгу. А уж о том, что они станут делать с окровавленной женщиной и чего Асе потом это будет стоить, и думать не хотелось.

Она впустила сводного брата в чужую квартиру, где хозяйничала вот уже с час, и тут же свистящим шепотом поинтересовалась:

– А ты на чем приехал? Я машины твоей не видела.

– А другую видела? – Ванька схватил ее за руку, потянувшуюся к выключателю, и попенял: – Ты совсем глупая, да?! Тебя наверняка уже пасут, а ты к свету тянешься.

– Почему это сразу меня пасут? – возмутилась Ася. Негромко правда. – Чуть что, так сразу меня!

– А кого? Меня? – Он хмыкнул многозначительно и на ощупь пошел в комнату. – Где труп?

– Чур меня, чур! – зашикала ему в спину Ася, медленно продвигаясь следом и мысленно вознося молитву Ванькиной отзывчивости. Хоть и ирод, но все же не чужой. Приехал опять же, не бросил ее одну. – Живая она. Голая, правда, и вся в крови.

– Очаг повреждений где? – обронил он через плечо, останавливаясь у дивана.

– Чего?! Слушай, Вань, ты бы не умничал, а! Я что, ее осматривала? Мне и дотронуться-то до нее было страшно...

– Страшно или противно? – догадливо ухмыльнулся он в темноте. – Или страшно противно?

– Да пошел ты!

– Ася, не груби старшему брату, – беззлобно отозвался ирод в темноте и тут же засветил фонариком прямо ей в лицо. Поглазев на нее с минуту, пробормотал с плохо различимой интонацией: – Хороша... А если бы тот, кто ее... покалечил, пришел бы и за тобой? Ты об этом подумала? Что ты вообще делаешь со своей жизнью, сестренка? Когда начнешь умнеть? Носилась, тушила пожар, не додумавшись посмотреть в окно...

– А что бы я там увидела? – не к месту спросила она. Ванька к тому времени уже склонился над женщиной.

– Ты бы там увидела темную «восьмерку». По-моему, цвета «баклажан». И кого-то в ней за рулем. Кого-то, кто курит и не спешит уехать, – проговорил Ванька, осторожно поворачивая хозяйку квартиры.

– И что? Может, он просто так там сидит и курит...

– Ага, просто! Просто вышел покурить из дома в четыре утра. Просто пепельница у него там есть, в машине-то. Пепельница и еще прикуриватель. Так, что ли?

– Не так, – виновато согласилась Ася, потом нетерпеливо поинтересовалась: – Ну что там с ней, Вань?

– Я откуда знаю! Нашла рентген... Давай-ка вытащим ее отсюда, завернем во что-нибудь и снесем в машину. – Ванька зажал фонарик в зубах и бесцеремонно потащил даму за ноги из ниши, в которой она лежала.

– Ты что делаешь, ирод?! – заскулила Ася, отступая. – Ты же ей голову оторвешь!

– Ничего, она, кажется, живучая. – Вытащив пострадавшую на середину комнаты, он принялся беззастенчиво ее разглядывать, высвечивая каждый участок ее тела фонариком. Потом стащил с дивана простыню, укутал женщину, словно мумию, и, взвалив ее на свое широченное плечо, пробормотал с характерной хрипотцой: – Какой генетически чистый экземпляр пострадал! Такая красотища... А вот надо же... Будет теперь ходить под себя... с такой-то дыркой в голове...

Асю сильно покорило его заявление. Тут же она представила себе, какими глазами мог смотреть на длинноногую блондинку ее Ленчик... но комментировать ничего не стала. Пусть красивая, пусть фигура и ноги шикарные, пусть! Но за что-то же схлопотала дамочка по башке...

Ася злорадствует? Черт возьми, она злорадствует?! Может быть. Но при ее достаточно скромных внешних данных и сложившихся драматических обстоятельствах это было то небольшое, что она могла себе позволить.

Они вышли из квартиры, не забыв захлопнуть за собой дверь, и начали осторожно спускаться по красивой лестнице. Ася направилась было к подъездной двери, но ее остановило гневное шипение сводного брата:

– Ты куда, чучело?

– Как куда? Там у меня машина! И твоя...

– Моя за домом. Тут проходной подъезд. Ты что, этого не знала?

Надо же! Про подъезд она тоже не знала. Не углядела, таращась все больше на окна. И правда чучело. Две недели наблюдала, а самое важное упустила. Количество цветов на тюлевой занавеске точно помнит – девятнадцать штук, а вот что дверь черного хода открыта, не разглядела.

Понуро опустив голову, Ася вышла за Ванькой на улицу через запасную дверь и тут же увидела его машину – шикарный «Форд» с огромными, как у трактора, колесами, с тонированными стеклами и блестящими бамперами. «Форд» ироду подарила его мамаша. Асина, стало быть, мачеха. Ася, помнится, долго язвила по этому поводу, но после того как Ванька устыдил ее, язык благоразумно прикусила. Дело в том, что мачеха предлагала и ей машину такой же марки и такой же точно стоимости, но она принципиально отказалась, продолжая ездить на «Жигулях» покойной матери.

– Чего замерла? – Сводный брат открыл огромный, будто погреб, багажник и без лишних церемоний сунул туда свою ношу. Захлопнул его, вытер руки носовым платком и полез в машину со словами: – Топай теперь до своей тачки.

– Как это, Вань?! – Ася, которая уже хотела пристроиться с ним рядом в машине, встала как вкопанная. – Я же боюсь!

– А ну как ментов поутру кто-нибудь вызовет, углядев следы пожарища через окно, что тогда? – Он смерил ее совершенно чужим и совершенно неодобрительным взглядом и закончил укоризненно: – Иди уже, чучело. Я буду рядом. Подстрахую, если что.

– А идти через подъезд? – промямлила Ася, которой до смерти не хотелось снова входить в пустое холодное парадное с шикарной мраморной лестницей и ярким светом под потолком. – Вань, может, я того... угол дома обогну?

– Вот я тебе сейчас обогну! Ступай, сказал. Не дай бог кто-нибудь проснется и в окно вздумает посмотреть.

Он уронил свое большое тело на водительское сиденье, заставив красавицу-машину качнуться под его весом. Заработал мотор, и «Форд» медленно двинулся с места. Асе ничего не оставалось, как следовать Ванькиным указаниям. Стремглав пролетев подъездное пространство от двери черного хода до парадной двери, она выскочила на улицу и с шумом перевела дыхание. Слава богу! Кажется, ничего не случилось! Она жива и здорова. Машина ее стоит на прежнем месте, приветливо подмигивая красным глазком сигнализации. Наблюдатель, если, конечно же, и в самом деле он был наблюдателем, исчез. Исчез вместе с машиной и нервно прыгающим сигаретным огоньком.

Мало ли кто это мог быть, сделала для себя вывод Ася, заводя машину и выезжая со двора. Дел больше ни у кого никаких нет, только как за ней следить. Вернее, не за ней, а за квартирой номер восемь. У нее-то все понятно: ее интерес прямо пропорционален силе ее чувства по отношению к непутевому Ленке. А у того, с сигаретой, что? Да ничего, если только... если только это не обманутый муж генетически совершенной особи. А что? Чем не мысль! Может, Ленка тут совсем и ни при чем? Он пришел, повидался и ушел через заднюю дверь, чтобы не быть замеченным. Муженек явился следом и шарахнул свою неверную супругу по башке, а квартиру поджег в состоянии аффекта или чтобы следы своей скорой расправы замести. А потом уселся в машину и стал ждать, когда разгорится.

Вот это да! Вот это она молодец! А то ведь что удумала: Ленку во всем обвинила! Стал бы он убивать кого-то... Он же... он же не такой, ее Ленка. Он совсем другой. Он кто угодно, но не преступник.

Ася разволновалась и даже повеселела, выдав самой себе такое вот резюме.

Чему она радовалась в тот момент? Тому, что предположительно ее Ленечка никого не хотел убивать, или тому, что у нее вдруг появился еще один повод для отсрочки? Отсрочки приговора их зыбкому несамделишному счастью. Отсрочки принятия решения, которое она никак не могла заставить себя принять. Она же по-прежнему любила его. Любила ничуть не меньше, чем в первый день их встречи. С тем же благоговейным обожанием смотрела на то, как он ест, спит, одевается. С тем же наслаждением слушала его голос, даже когда слушать его не следовало. С тем же удовольствием отдавалась ему в те редкие ночи, что они ложились в постель вместе. Да, любила она его ничуть не меньше. Только теперь к ее любви примешивалась еще и горечь. Такая отчаянная скорбная горечь, что ощущение было таким, будто она сжевала целую охапку полыни. Как глупая безмозглая корова на лугу, сжевала. Так, кажется, недавно окрестил ее ненаглядный.

Глупая, безмозглая корова...

Ну и пускай себе считает ее глупой и безмозглой. Однако же у нее хватило ума не уехать и подстраховаться, потушив пожар и вызвав Ваньку. Был ли причастен ко всему случившемуся в квартире номер восемь Ленка, нет ли, теперь это уже дело десятое и дело не ее, но вот теперь доказательств его причастности ни у кого не будет. И все почему? Все потому, что его глупая безмозглая корова потушила пожар и спасла от неминуемой смерти его... женщину, провалилась бы она вместе со своей недогоревшей квартирой и выгоревшими дотла шторами...

Ася выехала из двора и закрутила головой. Где же иродов «Форд»? Ага, вон он. Ванькина левая рука вынырнула из окна джипа и принялась отчаянно жестикулировать в воздухе, очень

ловко указывая ей пальцами траекторию движения. Прямо как в спецназе! И самое главное – Ася мгновенно поняла, что он от нее требует. Они едут к девятнадцатой городской больнице, где у Ваньки в друзьях значилась парочка хирургов. Один из них помучил в свое время Асю изрядно, вскрывая огромный фурункул под правой лопаткой. Потом еще долго шутил, моля господу усеять ее тело подобной дрянью.

– Такой нежной пациентки с таким неподражаемым контральто у меня не было с первого дня моей врачебной практики, – скалился он в ее и Ванькину сторону.

Ирода подобные шутки приводили в неопикуемый восторг, и он тоже делал вид, что молится. Но молиться Ванька не умел. Он умел много чего, только не слепо верить во что-то, чему ни разу в его жизни не нашлось подтверждения...

Двор девятнадцатой больницы слабо освещался тремя фонарями, свисающими с козырька над входом. Голые еще ветки четырех хилых деревьев сплели диковинный шатер прямо под фонарями, отбрасывая на ступеньки причудливые тени. Три скамейки с покосившимися щербатыми спинками. Три облупленные урны. И дощатый столик, приткнувшийся к одному из чахлах стволлов. Пейзаж не впечатлял. Специального подъезда для машин «Скорой помощи» здесь не было. Больных обычно вносили через центральную дверь. Выносили по-разному...

– Не доросли еще, – вежливо отшучивался, объясняя сей факт, все тот же эскулап, что колдовал со скальпелем над Асиной лопаткой. – Когда-нибудь... Может быть, в следующей жизни...

Про следующую жизнь любил шутить и Ванька, хотя всячески отрицал существование потустороннего мира и не верил в загробное существование. Фишка у них такая была, у друзей ирода, – все хорошее, что не успело с ними еще случиться, они ждали в непрременной следующей жизни.

Ванькина рука снова выпросталась из водительского окна и махнула пару раз, указав Асе на больничнй угол, потонувший в кромешной темноте.

Все ясно. Рисоваться не станет. Спрячет машину в темном углу. Вызовет Виталика и уже потом... Это «потом» Асе виделось смутно. Как можно без непрременного оповещения милиции и без документов определить женщину в таком плачевном состоянии на больничную койку, она не знала. Представление о процессуальном порядке подобных действий она имела. Пусть и не конкретное, но все же имела. Поэтому, останавливая свои «Жигули» около Ванькиного джипа, Ася сникла и загрустила. Ох, и должна же она ему будет за все... Страшно представить, как и сколько должна. А ходить у Ваньки в должниках было то еще удовольствие...

– Что дальше делать, Вань? – Ася выбралась из своей машины и, глядя на сводного брата снизу вверх, виновато двинула носом. – Виталика надо как-то найти, да? А вдруг его нет на дежурстве? Вдруг у него выходной, Вань?

– Не таракти, Аська. – Иван болезненно сморщился. Она всегда живо чувствовала его мимику по интонации. Всегда, даже если не видела его лица, как вот сейчас. – Виталика на дежурстве. Он уже должен был сделать все необходимые приготовления, так что мучиться тебе недолго.

– При чем тут я?! – снова делано возмутилась Ася, потихоньку про себя недоумевая, как это Ваньке всегда удается с такой точностью классифицировать ее внутреннее состояние.

Она и в самом деле мучилась. Мучилась от пожара, который ей пришлось тушить. Мучилась от того, что Ленька опять облажался и ей придется в который раз делать над собой чудовищное усилие, чтобы удержать себя в рамках – и не впасть в истерику и не расцарапать ему его смазливый фейс. И еще мучилась от того, что у нее на руках оказалась эта женщина. Вот еще послал бог обузу! Мало ей Леньки ее непутевого, так теперь еще и с его женщинами возись!

Скорее бы уже от нее отделаться. Скорее бы сбегать блондинку Виталику, и пусть он делает с ней что хочет. Хочет лечит, хочет выписывает. А Ася лично сейчас вот сдает ее ему с

рук на руки и все – до свидания, девочка. Выздоровливай, одним словом. Асе не до ее проблем. У нее своих хоть отбавляй. Взять хотя бы, к примеру...

– Аська, Аська... – прервал ее эгоистические мыслишки вкрадчивый голос сводного брата. – Что ты за человек такой, не пойму! Сама ввязалась во всю эту историю, меня впутала, теперь вот еще Виталика подставляем... Ведь у него могут быть из-за нас ох какие неприятности! Но он не смог отказать мне, потому что человек уж больно порядочный. Ни я не смог тебе отказать, ни он, а ты вот теперь стоишь и молишься своему богу, чтобы быстрее все закончилось. А кто тебя просил во все это дерьмо влезать?! Кто?!

– Вань, не начинай, – поморщилась Ася его прозорливости, которая всегда сшибала ее с ног своей буквальностью.

– Нет, я начну, черт возьми! Еще как начну! Я еще не забыл, чего нам всем стоило твое расследование причин смерти твоей матери! Не забыл! И как я с матушкой своей тебя из обезьянника вытаскивал. Как залог за тебя вносили. И как отца твоего в больницу отправлял с микроинфарктом. И как потом платил за разбитую чужую машину, и...

– Тебе доставляет удовольствие трепать мне нервы, да?! – взвилась Ася.

Всякое напоминание о ее неудавшейся игре в частного детектива всегда лишало ее душевного равновесия. Это расследование едва не стоило жизни ей и ее отцу. Очень дорого обошлось и маме, но тут, правда, у Аси никаких сожалений не случилось. И явилось впоследствии великолепным и беспроегрышным козырем для Ваньки, когда ему нужно было войти в роль ее старшего брата и наставника.

– По-твоему, мне нужно было бросить эту девицу истекать кровью или сгорать заживо, так?! – со слезой в голосе воскликнула Ася, прекрасно зная, что ирод не терпит ее слез и тает почти мгновенно при их появлении. – Как бы я жила потом с мыслью, что не сделала того, что сделать была просто обязана?

И вот тут Ванька удивил ее. Он вдруг больно ухватил Асю за локти своими огромными ручищами, приподнял от земли так, что ее глаза оказались на уровне его глаз, и зарычал ей в самое ухо. Злобно и совсем не трепетно прорычал, не купившись ни на ее слезы, ни на явный трагизм в ее голосе:

– Ты была обязана сидеть дома, чучело! Дома, понятно тебе?! Не носиться по городу, выслеживая макаку свою хвостатую, а сидеть дома! Читать, вязать, вышивать крестиком, обжираться мороженым у телевизора... Всем, чем угодно, заниматься, только не тем, чем ты занималась этой ночью! Никто же не просил тебя влезать туда, куда тебе вход заведомо заказан!

После этой короткой злобной речи Ванька с силой опустил Асю на землю так, что у нее даже заныли ступни от пальцев до пятки. Отвернулся от нее и принялся отпирать багажник. В ее сторону он больше не смотрел и даже ни разу не обратился к ней ни с единым словом.

Через пару минут к ним подбежал запыхавшийся Виталик. Бегло поздоровавшись с Асей, он тоже от нее отвернулся, склонившись к плечу своего друга.

Они с Ванькой долго о чем-то шушукались. Потом ушли и вернулись уже с каталкой. Ванька, которого она поспешила так необдуманно быстро простить, но потом вовремя передумала, вытащил женщину из багажника. Быстро сдернул с нее простыню и, уложив на каталку, накрыл сверху больничным халатом. Простыню он сунул в непонятно откуда взявшийся пакет и снова спрятал в багажнике. Потом они с Виталиком ушли, увозя раненую. На Асю ни один из них так и не посмотрел.

«Сейчас возьму и уеду! – в запальчивости решила она. И даже села в свою машину. И даже завела мотор. – Строят тут из себя, понимаешь!»

Но она не уехала. Во-первых, ей сделалось жутко стыдно. Нет, что, в самом деле, она вытворяет: втянула ребят в историю и сбежать надумала? После такого-то показательного благородства (имелось в виду спасение от неминуемой гибели блондинки) и такая откровенная под-

лость... А во-вторых, не успела – Ванька вернулся, как всегда, вовремя, не позволив Асе совершить очередную глупость.

А пока его ждала, Ася оперлась подбородком о руль и то порывалась уехать, то мучилась совестью. После того как Ванька с Виталиком увезли пострадавшую на каталке, времени прошло совсем немного. Минут пять, не больше, но отчего-то тянулось оно непозволительно долго. Асе даже стало казаться, что темнота на улице сделалась пожиже и стала видна узкая дверь служебного входа. Оттуда и надо ждать появления Ивана. Узкая железная дверь, с облупившейся еще в прошлом столетии краской. Старая, скрипучая, отсекающая с протяжным металлическим визгом все любопытство извне. Асе не было позволено пройти сквозь нее, хотя она была как бы соучастником событий. Или, может быть, виновником, это уж кому как удобно считать.

Сейчас Ванька утрясет с Виталиком все формальности. Как они станут это делать, Асе представлялось весьма смутно. Но что ребята все сделают как надо, она не сомневалась. Особо благонадежными называла она их прежде, искренне удивляясь, как это друзьям удалось сохранить подлинное мужское благородство в суровых условиях современности. Сейчас ее уверенность в истинном великодушии сводного брата несколько поколебалась. Объяснение было примитивным – его несложившиеся отношения с ее подругой. И самым противным во всем этом было то, что никто из них, ни Ванька, ни Саша, не желали ей ничего объяснять. Просто опустили железный занавес, за который ей не было хода, и все. А почему – непонятно. Она, может быть, и помогла бы им, и выход какой-нибудь нашла. Ей же было проще со всем разобраться, она же искренне любила их обоих. И знала, как никто другой, каждого. А вот не допустили они ее до своей тайны, и хоть тресни...

Ванька появился совсем не оттуда, откуда Ася его ждала. Огромная тень метнулась откуда-то из-за машины, перепугав ее до смерти, согнулась пополам к ее приоткрытому окну и его голосом совершенно буднично поинтересовалась:

– Как ты?

– Нормально. – Ася не стала браниться за то, что ирод ее испугал, хотя успела пару раз чертыхнуться про себя. – У вас что?

– У нас порядок. Слушай... – Иван вдруг, вопреки ожиданиям, не стал садиться в свою машину, а, обогнув капот ее «жигуленка», сел с Асей рядом. – Отвези-ка меня на дачу, сестренка. Устал я что-то сегодня. Туда дорога дальняя, боюсь, усну за рулем.

– А-а... как же твой красавец? – Она указала подбородком на его «Форд», не будучи, естественно, в восторге от перспективы тащиться сейчас за город. – Не боишься бросать его тут без присмотра?

– Виталик присмотрит. Мы договорились. К тому же из дружеских и совершенно бескорыстных побуждений я одолжил ему ключи от машины на день. Ну, так что, везешь? Или мне такси вызывать?

Господи, в его незамысловатых словах было столько двойного – нет, тройного! – смысла, что вдаваться в полемику сейчас, после того как она сдернула его с кровати посреди ночи, было себе дороже. Конечно же, она его отвезет. И на дачу, и на Северный полюс, и в тартарары отвезет. Ему стоит только попросить, и она сделает то, что он хочет. А как же иначе! Иначе же быть просто не может! Она же ему теперь по гроб жизни обязана! И за помощь, и за участие, и еще за то... что он ничего не расскажет родителям.

То, что она поведет машину после бессонной ночи, его как бы вовсе и не волновало. Вроде бы она уснуть за рулем ну никак не может, после того как просидела в засаде до трех утра.

А ей, черт возьми, тоже ох как хотелось спать! И к тому же не терпелось вернуться домой и удостовериться в том, что Ленка уже в кровати. Что он вернулся, принял душ, надел широкие пижамные брюки, еле державшиеся у него на талии из-за ослабевшей резинки, и спит

в их супружеской постели сном младенца. Она бы пробралась в комнату на цыпочках и нырнула бы под его левую руку, прижалась к нему всем телом и забылась легким исцеляющим сном, после которого всегда наступает легкое безоблачное утро. А вместо этого она колесит по городу, норовя попасть на загородное шоссе самым кратчайшим путем...

– Ничего, Ась, он переживет твоё отсутствие, – перекрывая шум мотора, проговорил Иван, скрестил руки на могучей груди, скопил в её сторону догадливый взгляд и ещё раз повторил: – Ему, может быть, это будет даже приятно.

– Что именно? – Ася напряглась мгновенно.

Она не терпела его пророчеств. И тон его покровительственный не терпела тоже. Все-то он про неё знает наперед. А чего не знает, о том непременно догадается. Догадается и выдаст ей с хмурой ухмылкой. Именно хмурой. До знакомства с ним Ася и не подозревала, что человек может так ухмыляться. Ну, хитро может, ну, ехидно. Или, скажем, снисходительно. Но чтобы вот так вот: с посеревшими от злости глазами, со скупым шевелением губ и приподнявшимися от возмущения бровями... Нет, до Ваньки в её жизни так никто и никогда не ухмылялся.

– Ты злишься, братец? – спросила она, так как он не ответил на её вопрос, отвернувшись к окну. – А чего злишься? Я же не хотела... Я же...

– Хотела, как лучше, а получилось, как всегда, – закончил он за неё и хрустнул суставами пальцев. Все ясно: злится, да ещё как. – Я это понял, Аська. Я же все про тебя понимаю, ты знаешь.

– Знаю, – глухо обронила она и надолго замолчала, внимательно глядя на дорогу.

Дорога, в принципе, была нормальная. Дорога как дорога. В четыре часа утра машин почти нет. К тому же этот участок загородного шоссе был вовсе не оживленным в такое-то время года.

Вот весной и летом – да. Летом от дачников тут протолкнуться невозможно. Прут кто на чем и кто с чем. Тут тебе и «Запорожцы», и «Волги», и иномарки, загруженные под завязку. Старые раскладушки, прикрученные к багажникам, плетеные кресла и столы, шезлонги и велосипеды, мешки с подушками, матрасами и ковриками, которые дома держать стало невмоготу, а выбросить жалко. Куда тогда? На дачу, там сгодится.

На их даче старых ковриков не было. Там вообще никаких ковров не было. Ванька был против.

– Дом для отдыха не должен походить на будку старьевщика! – восклицал он, когда его мать, решившая поменять интерьер своего будуара, стремилась сплавить на дачу устаревший трельяж. – Там должно легко и непринужденно дышаться, и ничто не должно возрождать в памяти ненужные воспоминания, связанные с теми или иными дровами...

Ася была против такого категоричного заявления. Но идти наперекор Ивану в угоду мачехе не могла, поэтому зачастую молчала, когда он, скажем, скатывал ковровые дорожки с дощатого пола их дачного дома и тащил их на чердак.

Вообще-то эту дачу Ася не любила. Все там было чужим для неё. И березы, обступившие участок со всех сторон густым частоколом. И газоны, за которыми некому было ухаживать и которые поэтому зарастали повиликой и дикой ромашкой. И качели какие-то замороженные, дурацкие – последнее приобретение мачехи, с которых, если Асе приходило в голову сесть покачаться, у неё всегда свешивались и болтались ноги, не доставая до земли. Даже мебель на веранде её раздражала. Пускай она была красивая, плетеная и очень дорогая. Пускай! Зато она визгливо скрипела и постанывала, когда мачеха опускала на неё свою тощую задницу. И цепляла одежду миллионами древесных заусениц, и порой могла так прищемить голую кожу, что оставался синяк. Ну, разве это мебель?!

– Милая, но это так модно, – терпеливо разъясняла ей мачеха, когда им приходилось изредка сталкиваться на веранде. – Мебель легкая, экологически чистая, стоит больших денег...

– И требует такого же дорогостоящего ухода! – отвечала ей Ася, прочитавшая накануне, как мучительно и кропотливо нужно ухаживать за такой вот плетеной роскошью. – А вам ухаживать некогда... за мебелью...

Ей всегда хотелось сказать, что ухаживать мачехе некогда не только ни за чем, но и ни за кем. Ванька рос сам по себе. Слава богу, что хоть вырос нормальным человеком. Но тут, скорее, сказалось влияние ее, Асиного, отца. Отец живет рядом с ней, но сам по себе. Слава богу, что его это устраивает. Она, Ася, тоже всегда была сама по себе. Мачехе вечно было некогда ухаживать за кем бы то ни было и за чем бы то ни было. Потому и колосился сорняк на участке буйным цветом, и березы все плотнее обступали двухэтажное строение, которое и домом-то назвать язык не поворачивался – всего лишь строение, не более того. И дорогая плетеная мебель визгливо возмущалась всякий раз, когда кто-нибудь пытался на ней пристроиться.

Дача Асиного детства была совсем другой. Там не было двухэтажного деревянного дома с резными наличниками и винтовыми лестницами, не было дорогой мебели и стильных пластиковых дверей. Ничего этого не было. Зато там были аккуратные ухоженные грядки, засаженные сортовой земляникой и помидорами. И заросли черной смородины, в которых она любила прятаться солнечным июльским полуднем, дышали жарко и духовито. И еще милые ситцевые шторы в мелкую клетку там были. Мама всегда их снимала на зиму, а в мае вывешивала. Свеженькие такие, только что отутюженные, хрустящие яркой накрахмаленной клеткой. А половицы там были некрашеные. Мама натирала их песком и споласкивала затем водой из пруда. Половицы сохли под солнцем, паря неповторимым запахом чистоты и уюта. Они варили с мамой картошку в старом закопченном чугушке, вываливали потом ее в глубокую тарелку, поливали постным маслом и посыпали укропом. Картошка дышала по-особенному. Никогда потом Ася не ощущала такого густого, стойкого аромата вареной картошки. Никогда после смерти мамы. Все запахи, роднившие Асю со счастьем, ушли вместе с матерью. Ушли в никуда. В ее, Асиного, прошлое...

– Аська, ты чего притихла? – влез в ее мысли досужий сводный братец и даже снизошел до того, чтобы потрясти за плечо. – Не бойсь, прорвемся! Сейчас вот доедем, отдохнем, а там будем думать...

Все ясно. Он все решил заранее. Вернуться ей в город сегодня не придется. Его «отдохнем» было тому свидетельством. Препираться она и не стала бы. Сил осталось ровно настолько, чтобы свернуть с трассы на проселочную дорогу, проехать пару километров до дачного поселка и приткнуться машину под березами, потому что гаражные ворота с некоторых пор перестали открываться, а их ремонт, конечно же, некому было заняться. Потом бы рухнуть Асе в собственной ее комнатке на втором этаже и забыться сном, но... Но Ванька-ирод, как всегда, внес в программу свои коррективы. Стоило им переступить порог дома и запереть за собой дверь, как он тут же потащил ее за рукав в кухню, на ходу приговаривая:

– Ты не можешь позволить мне уснуть голодным, Аська! Ты же знаешь, как я люблю покушать!

«Не покушать, а пожарть», – захотелось ей его поправить. Но на препирательства нужны были силы, а их у нее почти не осталось, поэтому она покорно поплелась за братцем в кухню.

– Опа! – зажег он свет и тут же метнулся к двухкамерному холодильнику, нежно урчащему в углу огромной кухни. – Ну-ка, что тут у нас имеется?

Имелось много чего. Мачеха часто поручала своим подчиненным завозить продукты к себе на дачу. Посещалась дача в последнее время не так чтобы часто, поэтому холодильник иногда представлял собой склад замороженных продуктов и изысков быстрого приготовления. Вот и сейчас, стоило Ивану рвануть на себя дверь, как на него с верхней полки свалилось сразу несколько ярких шуршащих упаковок.

– Господи, какое счастье! – прорычал он, выгружая половину продуктов на стол. – Аська, не стой чучелом, помогай! Ставь сковородку на плиту, яйца разбей туда. Колбасу жарить будем? Будем! Черт, я такой голодный...

Ася пронзила негодующим взглядом широченную спину Ивана, прошла к раковине и принялась намыливать руки. Чего ей только не приходилось делать за минувшую ночь. И пожар тушить, и в роли спасателя выступить... Ей бы не только руки, но и всю себя, содрав грязную одежду, хорошенько помыть.

Ася увидела в стеклянной дверце шкафа свое отражение и ужаснулась. На кого же она похожа! А еще домой, пред светлые очи любимого Ленечки, рвалась! Разве же можно в таком виде?! На щеках грязные разводы. Наверное, она плакала в какой-то момент и размазывала слезы грязными руками. Странно, что ей это не запомнилось. А может, разводы от копоти... Волосы всклокочены и торчат во все стороны ершиком. Свитер и джинсы в крови. Тушь размазана под глазами черными полукружьями. Ногти поломаны... Нет, Ванька был прав, затащив ее на дачу. Ленечка не терпел подобной распушенности в женщине, он бы ей не простил такой вид и нудил бы потом и нудил, забыв спросить, почему она так выглядит. Н-да...

– Аська, ну ты чего там, как в операционной, лапки свои моешь? – взревел голодный Ванька, орудуя ножом и распаковывая пакеты с бужениной и сыром. – Я дождусь сегодня яичницы или нет?

Она встряхнулась, вытерла руки о чистое полотенце и послушно потянулась к сковороде. Но тут же была отстранена могучей дланью сводного брата.

– Слушай, ты пойдешь помыться, что ли... – пробормотал он с жалостью. – На тебя смотреть страшно. Прямо вурдалак или вампир какой-то, честное слово! Вся в крови, в копоти... Ступай, ступай, я тут справлюсь. Прими душ и спускайся завтракать. Да, теперь уже завтракать, начало шестого.

Без лишних возражений Ася поднялась по винтовой лестнице на второй этаж и открыла дверь в свою комнату. Ранние апрельские сумерки успели обозначить угол шкафа и широкую кровать, укрытую мохнатым пледом, подаренным мачехой к годовщине их с Ленечкой свадьбы. Годовщину отмечали на даче. Ася тогда накрыла этим пледом кровать, да так и оставила его здесь. Ну, не хотелось ей иметь в своем доме никаких напоминаний об этой сухопарой женщине с красивым нервным лицом, которая сменила ее мать подле ее отца...

Не включая света, Ася открыла шкаф и нашла на ощупь махровый халат. Потом достала белье и пошла в душевую, находившуюся в торце лестничной клетки второго этажа. Она шла быстрыми легкими шагами, но Ванька все равно услышал. Высунул голову из кухни, поймал ее взглядом, улыбнулся и попросил:

– Ты недолго там, утенок, а то я все слопаю...

Под душем Ася могла стоять по полчаса, и это было единственное, что ей нравилось делать в дни посещения загородного дома. Со всем остальным она просто мирилась. Мирилась с любовью отца к мачехе, которая бесстыдно лезла из его глаз даже в ее, Асином, присутствии. Мирилась с вечным сарказмом мачехи. Мирилась с беспорядком в доме и на участке. Душевая – единственное место на даче, которое мачехе не удалось запустить. Здесь все сияло и искрилось в лучах солнца или огромной неоновой лампы, в зависимости от времени дня. Полки заполняли банки с кремами и гелями, декоративные мочалки и мыла разных видов. И еще здесь всегда было тепло.

Ася залезла в душевую кабину, задвинула пластиковую дверь и пустила воду. Первые струи были почти ледяными, и ее кожа тут же пошла крупными мурашками. Потом на смену ледяной воде пошла горячая. Плотные клубы пара тут же окутали Асю с головы до ног. Вылив себе на ладонь чуть ли не полфлакона геля для душа, она принялась намыливаться. Скорее... скорее... она такая грязная... очень грязная... От кончиков поломанных ногтей на руках до упрямых завитков на затылке, до каждой извилины в ее ушных раковинах и в мозгу. С мозгами

так вообще беда! Стоило только Асе подставить намыленное тело под водяной прессинг, как ее мозговые извилины начали трансформироваться черт знает во что.

Женщину кто-то ударил по голове и оставил умирать в луже крови. Так? Так. И потом квартиру поджег. Так? Так! Значит, у него даже мыслей о ее возможном выздоровлении не было, так? Так! И получается, что человек, который все это проделал, знал, что делает. И он был самым настоящим убийцей! Страшным и беспощадным, точно таким же, как в тех триллерах, что Ася брала в видеопрокате. Смотрела она их обычно тогда, когда ей бывало особенно тошно. Но, глядя на экран и содрогаясь от извращенной жестокости американских киллеров, Ася знала: это понарошку! Она в любой момент может нажать на кнопку на пульте и – остановить злодея в самую последнюю минуту, еще хоть ненадолго продлить жизнь незадачливой жертве. Да, существовала у нее такая вот форма самообмана: нажала на кнопку и отсрочила неминуемую гибель.

Сегодня, судя по всему, она попыталась сделать что-то подобное в жизни. Она потушила пожар и способствовала тому, чтобы обреченная на гибель женщина была спасена. Но, черт возьми, по законам жанра пауза не может длиться вечно. Кто-то снова нажмет на «пуск», и действие продлится дальше. То есть та отсрочка смерти, которую Ася выторговала у господина бога для несчастной жертвы, всего лишь отсрочка, и не более. Тот, кто хотел ее убить, убьет непременно. Убийца не может оставить в живых человека, знающего его в лицо. А в лицо его она знала. И даже, может быть, любила. С чего тогда женщина оказалась абсолютно голой? Да и диван был разобран, и комплект постельный весьма игривой расцветки, в беспорядке к тому же...

Да, убийца непременно повторит попытку, как только узнает, где скрывается его несостоявшаяся жертва. А как он может узнать? Ну, думай, думай, Ася! Как он может узнать? Правильно, он может проследить за ней лично, и она непременно приведет его к выжившей женщине.

Ася загрустила, вспомнив о темной «восьмерке» на парковочной площадке и курящего человека на месте водителя. Почему ей было не осмотреться в тот момент, когда она мчалась к подъезду? Почему было не перегнать машину, скажем, туда, куда додумался пригнать свою Иван?

– Дилетантка чертова! – с горечью простонала Ася, затягивая пояс халата на талии. – Подставилась, как идиотка!

Если тот человек, что сидел за рулем «восьмерки» и курил, и в самом деле убийца, то дело Аси швах. Для него наверняка установить владельца по номерным знакам принадлежащей ему (то есть ей, Асе) машины – дело простое. Установить за этим глупым владельцем (то есть за ней, за Асей!) наблюдение – дело выполнимое. И когда этот глупый владелец засвеченной машины приведет убийцу к несостоявшейся жертве, то дело станет еще более простым и выполнимым. Он непременно доведет свое дело до конца! Он убьет! Убьет эту бедную женщину, а заодно и ее – Аську, глупую безмозглую корову, чтобы она не лезла туда, куда ей ход заведомо заказан. Так, кажется, сказал Ванька. И он был прав, черт возьми, тысячу раз прав! Ей не было дела до этого чертова дома старинной постройки, и не было дела до квартиры номер восемь. И до ее обитателей тоже дела быть не должно было. Как бы не этот гадкий абонент, который все время был недоступен, ей бы и не было дела! Это из-за него у нее напрочь слетела крыша! И это из-за него она второй год носится по городу и следит, следит, следит все время...

– Эй, чучело! Ты жива там или нет? – Ванькин кулак с грохотом обрушился на дверь душевой. – Яичница готова, выходи!

Ася дернула блестящую защелку и распахнула дверь.

– Чего орешь? – вздернула она подбородок, тряхнув сырыми волосами. – Я уже готова.

– Волосы причеши. – Его пятерня полезла в спутавшиеся после душа волосы на ее затылке и слегка подергала. – Как войлок...

– Больно, Вань, одурел совсем?! – Ася ударила его кулаком в могучую грудь и оттолкнула с порога. – Пошли уже, или я усну прямо здесь, на коврике.

Они спустились в кухню и чинно расселись за обеденным столом. Ванька тут же без лишних церемоний набросился на яичницу, которую едва вмещала глубокая сковорода.

– Ну это же надо успеть так проголодаться, – язвительно заметила Ася, скромно поддевая с тарелки кусочек буженины. – Твоя жена тебя ни за что не прокормит.

– Это я должен буду ее прокармливать, а не она меня, – резонно заметил Иван с набитым ртом и весело подмигнул. – Да у меня и жены-то никакой нет пока. А ты ешь, ешь, Аська, а то не оставлю ничего. Яичница вкусная, обалдеть можно.

– Не хочу я яиц, – капризно протянула она и стянула с тарелки еще один кусок буженины. – Времени-то всего ничего. А ты жрешь с утра пораньше! Посмотри на себя, Ванька, в борова превратился!

– Я в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, чучело! – беззлобно отозвался Ванька, подгребая остатки яичницы со сковородки. – Сильный и надежный, в отличие от твоего альфонса. Кстати, ты мне так и не рассказала подробно, что делала в три часа ночи в центре города под окнами того самого дома.

– И совсем даже нехстати, – скуксилась мгновенно Ася. Наступал самый неприятный момент, избежать которого ни за что не удастся. Надо было постараться его хоть как-то отсрочить. Поэтому она тут же широко, со стоном, зевнула и пробормотала: – Кажется, я засыпаю прямо на табуретке.

– Ничего-ничего. Рассказывай давай. Уснешь, я тебя на кровать отнесу. Мне не тяжело, – заверил ее Ванька, мгновенно превратившийся в ирода. – Но откреститься от разговора тебе не удастся. Выкладывай, альфонса своего пасла?

Ася округлила глаза, глубоко и с возмущением вдохнула полную грудь воздуха, намереваясь обругать бесцеремонного сводного брата и за чрезмерное любопытство, и за альфонса попутно. Но потом лишь выдохнула с присвистом:

– Да, его. Только попрошу без оскорблений, пожалуйста. Если хочешь, чтобы я была с тобой откровенна, то прекрати оскорблять Леонида... пожалуйста.

– Да на здоровье! – Подбородок Ивана заострился, а глубоко посаженные серые глаза сделались неприятного металлического оттенка. Он со звоном швырнул вилку на край тарелки, грубо прищелкнул широкой ладонью по столешнице и со странными модуляциями в голосе начал учить ее жизни: – Мне твои откровения вовсе и не нужны, дорогая. Я в них нуждаюсь так же, как корова нуждается в упряжи. Твои откровения не откроют мне Америки. Это тебе нужно о жизни своей подумать, что и как ты с ней вытворяешь! А что касается твоих откровений... Так всем давно известно, что ты носишься по городу, выслеживая своего кобеля по съемным квартирам и борделям.

– Кому это всем? – Последнее заявление весьма заинтересовало Асю.

Тема их с Леонидом отношений никогда не затрагивалась на семейных советах. Ей всегда казалось, что это из-за того, что тема не то чтобы была закрыта для семьи, а просто-напросто никому не была интересна. Отец был женат на мачехе и на своей науке, из которой научился выколачивать хорошие деньги. Мачеха была бизнес-леди и к тому же отчаянно боролась с подступающей старостью. Почти все оставшееся от бизнеса время у нее отнимали шейпинг, массаж, подтяжка лица и прочие экзерсисы, свойственные женщине ее возраста. Было ли ей дело до проблем Аси? Нет, конечно же. Она и ее присутствие едва замечала.

Ванька... Ванька, конечно же, был другим, отличным от них. Они дружили когда-то. И Аська даже гордилась им одно время. До той самой лав-стори, которая едва не стоила ей дружбы с Сашкой. Но Ванька тоже никогда не лез в ее семейные дела, ограничиваясь многозначительным хмыканьем. А что же теперь получается?

– Кому всем, Вань? – переспросила Ася, потому что сводный брат не спешил с ответом. – И как давно этим всем известно о том, что я хочу знать, где, с кем и чем занимается мой законный муж? Чего молчишь?

– Ну что я могу сказать тебе?! – вдруг взорвался тот и так саданул кулаками по столу, что изящная столешница жалобно хрястнула. – Вернее, что ты хочешь, чтобы я сказал тебе? Какой ответ тебя устроит вообще? Все знают: и мать, и отец твой знает, и даже Виталия знает. И, кстати, жалеет тебя, чучело, потому и не смог отказать тебе сегодняшней ночью.

– Во-он как... Так чего же просто жалеть, пускай попытается исправить положение. Он же хирург. Пускай сделает мне пересадку мозга какого-нибудь более совершенного создания, нежели я. Подберет донора. Кстати, сегодняшней генетически безукоризненный экземпляр не подойдет, как думаешь? – Асе стало обидно до слез от такого тайного всеочувствия, о котором она даже не подозревала. – Ты спроси у Виталика, и если что – я согласна.

– Думаю, не тот случай, Аська. У барышни так же, как и у тебя, не все в порядке с мозгами, раз она запала на твоего аль... красавца. Видишь, что получается... Стоило ей пасть жертвой чар твоего несравненного Леонида, как пришлось за это поплатиться. – Иван выбрался из-за стола, подошел к Асе и присел перед ней на корточки. – Теперь ты хоть понимаешь, с кем жила все это время?

– С кем? – не сразу поняла она, куда он клонит. – Что ты имеешь в виду?

– С монстром, чучело! С монстром и убийцей! – с чувством молвил Иван и потянулся к ее голове, намереваясь приласкать, как больного ребенка.

– Нет! – Ася вскочила и отпрыгнула от Ивана, будто от прокаженного, метра на два. – Не смей его подозревать, слышишь?! Это не он! Не он! Ты не был там, не был... Как ты можешь делать такие выводы? Только потому, что он крайний? Или потому, что я очутилась поблизости от того места, где быть не должна?!

– О-о-о, как все запущено-то. – Иван заметно поскущел, поднялся, распрямляя колени, и укоризненно пробормотал: – Ты не ведаешь, что творишь, дорогая.

– Что же я, по-твоему, натворила-то?! – возмущаясь, всплеснула руками Ася. – Всю ночь только и слышу обвинения в свой адрес. А что я такого сделала? Спасла человека, и, может быть, не только ее, а еще несколько жизней. Вот разгорелся бы пожар к утру, что бы тогда было...

– Пускай ты будешь нашим последним героем, чучело. – Иван как-то по-особенному посмотрел на нее. Как-то так, как прежде никогда не смотрел. – Иди спать и не вздумай, проснувшись, оставить меня тут одного. И еще...

Ася обернулась на него. Она уже стояла на второй ступеньке неудобной винтовой лестницы, на которой у нее постоянно кружилась голова.

– Что еще? Что за манера у тебя, Вань, замолкать на полуслове? И ведь совсем недавно у тебя такая привычка появилась. Раньше за тобой такого не замечалось.

– Да? – Широкие дуги его бровей в нарочитом изумлении приподнялись высоко над глазами. – Может быть, не знаю. А что еще, что еще... Спи давай. Проснешься, посидим и подумаем, кому это выгодно.

– Что выгодно? – не сразу поняла она, нахмурилась и часто-часто заморгала. – О чем ты?

– Все о том же. О жертве твоей говорю. Вернее, черт, не твоей, а теперь уже и непонятно чьей, раз ты так уверена в непричастности своего мужа. Приходится мне верить тебе на слово, Аська. Ступай спать. А потом будем думать...

Они разошлись по своим комнатам. Ванькина спальня располагалась на первом этаже слева от крохотной гостиной, вмещающей комод его матери, пару кресел и скрипучий диван.

В его спальне все было не так. Она отличалась тем, что там вовсе не было никакой мебели, кроме широченной дубовой кровати, которую он сам привез из города и частями втаскивал потом через узкую дверь. Одна кровать и оленьи рога, прикрученные над входом, куда он швы-

рял прямо с кровати свою одежду. Обычно она состояла из спортивного костюма. Сегодня Ванька тоже был одет в такой костюм. Удивляться тут нечему – он был инструктором по фитнесу в строительной фирме его мамы. Сначала, когда штат ее сотрудников не перевалил еще за полсотни, никакой должности инструктора в наличии не имелось – и фитнесом заниматься было особенно некому. Да и сам будущий инструктор еще учился на спортфаке. Но со временем фирма разрослась, обрастая дочерними предприятиями и филиалами, Ванька закончил институт, вот надобность в нем и появилась. Инструктор по фитнесу, он же – ответственный за разного рода спецпоручения, он же – один из секретных агентов, выполняющих секретные миссии при его засекреченной сухопарой мамаше. Угораздил же господь отца...

Все Ванькины должности, кроме связанной с фитнесом, плохо укладывались в голове Аси. Определить круг его обязанностей она бы ни за что не смогла, даже если бы и старалась, а потому часто дразнила братца, обзывая бездельником. Ванька не злился. Но в глубине души Ася подозревала, что он с ней мысленно соглашается.

Сама же она работала старшим экономистом на бывшем военном заводе, успевшем вовремя перепрофилироваться в совместное предприятие по сборке телевизоров. Асю на работе очень ценили, хорошо ей платили и заставляли вкалывать так, что у нее порой от цифр рябило в глазах. Зато она избавилась от возможности постоянно сталкиваться нос к носу со своей мачехой. Работай Ася в фирме, все было бы иначе.

Ася подошла к окну, чуть приподняла штору и невеселым взглядом обвела двор.

Господи, какое же запустение. Ну, почему было просто не заасфальтировать дорожки? Нет же, этой замороженной на собственной безвкусице бизнес-леди для чего-то понадобилось засыпать их гравием! А потом она разъезжала по ним на своем громадном, как автобус, «Лендкрузере», останавливалась с визгом у крыльца и буксовала потом так, что гравий этот летел в окна мелким каменным дождем. За прошлую осень мачеха накатала такую колею на этих дорожках, что Асин «жигуленок» непременно цеплялся днищем, когда она пыталась пробраться к дому, не желая оставлять машину под березами и идти потом пешком по грязи. Сейчас, весной, эти колдобины днем наполнялись водой от растаявшего снега, а к ночи промерзали насквозь. Что-то будет в мае...

Нет, не любила Ася тут бывать. И мачеху свою не любила тоже. Та, кстати, платила ей такой же вежливой неприязнью. Все десять лет, что отец прожил с ней, она падчерицу едва замечала.

Ася отошла от окна. Скинула халат, надела пижаму, которую всегда держала под подушкой, и влезла под одеяло, укутавшись по самые глаза.

Поспать бы сейчас часов хотя бы пять. Сладко поспать, без сновидений и без мыслей. Но Ася знала – они не дадут ей покоя. Что-то там Ванька говорил такое о ее уверенности... Да ни черта она ни в чем не уверена! Ни в Ленкиной непричастности не уверена, ни в верности его – тем более. Только вот обсуждать все это она никак и ни с кем не собирается. Пусть Ванька, проснувшись, напряжется и изложит ей несколько параллельных версий. Они подумают над каждой, попытаются как-то их отработать. Определить возможных фигурантов дела. Так, кажется, это называется у профессионалов. Отработают, определят, а так, глядишь, и рациональное зерно во всем этом мусоре отыщется. Свою же тайную версию она оставит пока при себе. Пускай она пока постоит «на паузе». Скомандовать «пуск» Ася всегда успеет. Может быть, ей и не понадобится этого делать. Да, если найдется какой-то виновник ночного происшествия, конечно же, не понадобится. Только бы его найти...

Глава 2

Дождь хлестал в окно с такой силой, что, казалось, истинной целью его было побить все стекла в окрестных домах. Ася порадовалась собственной предусмотрительности, заставившей ее оставить машину под березами. А то непременно увязла бы на мачехиных гравийных дорожках. Непременно увязла бы.

Она отошла от окна и с брезгливой grimасой посмотрела в сторону своей одежды, грязной кучкой сваленной в углу комнаты. Вытащила пакет из нижнего ящика комода и засунула все вещи в него. Потом открыла шкаф и принялась рыться в нем, отыскивая что-нибудь подходящее для возвращения домой. Если Ленька никуда не ушел и не уехал, то непременно прицепится, почему, да что, да как, и какой черт погнал ее на дачу накануне выходных, и так далее...

Дачных вещей в шкафу было немного. В основном те, что дарила ей мачеха. Ася выудила с обширных, почти пустых полок вельветовые джинсы, широкий светлый свитер с большим объемным воротом, пару носков, колготки и начала одеваться. К тому времени, как внизу в кухне затопал Иван, она была почти полностью готова. Успела даже смочить волосы и уложить их феном. Получилось совсем неплохо, хотя обычно ее волосы требовали гораздо большего ухода. Краситься она не стала вовсе. Оглядела себя в гардеробном зеркале, осталась вполне довольна собой и лишь тогда потянулась к мобильному.

Сегодня была суббота. Ленька, если он, конечно же, не окончательно остервенел, должен быть дома. И если он не полностью уничтожил в своей душе обязанности супруга, то должен уже начать волноваться. Звонить он ей не звонил, но ждать-то ее звонка точно должен... может быть.

Ася уселась на самый краешек кровати, набрала свой домашний номер и стала ждать. Сейчас... Вот сейчас он, шлепая босыми ступнями по ламинату, метнется к столику в холле, где у них стоит аппарат. Увидит, что звонит она, и, может быть, даже обрадуется, что с ней все в порядке. Что она не пропала, не разбилась на машине, ее не разбил паралич, не захватили террористы и что она не провела ночь с любовником.

А ведь никто и никогда не мешал ей его завести, черт возьми. Никто и никогда. За исключением ее самой. Она сама себе мешала отвечать изменой на измену, низостью на низость, холодностью на холодность. Потому что любила его. И еще, наверное, потому, что не была подлой по сути своей.

– Алло, Аська, черт возьми! Ты где сейчас? Я всю ночь не спал, тебя дожидаясь! Ты что творишь, девочка, в самом деле?! – Все это ее муж успел выговорить на одном дыхании, не дав ей опомниться и не дав ей возможности хотя бы поздороваться. – Отвечай, где ты?! Ты ведь не бросила меня, скажи! Аська, какого черта ты молчишь?

– Я... – Слезы так сильно стиснули Асино горло и так близко подступили к ее глазам, что выговорить хоть что-то стало очень трудно. – Я так... так люблю тебя, Ленька!

– Я тоже люблю тебя, дорогая, – изумленно прошептал ей на ухо самый любимый из всех голосов голос. – Но что случилось? Ты плачешь?

– Нет, я не плачу, Лень. – Крупная слеза скатилась по щеке и бухнулась крупной кляксой на светлый вельвет брюк. – Со мной все в порядке.

– Тогда почему ты дома не ночевала?! – В голосе мужа послышались незнакомые доселе истеричные нотки. Неужели ревнует? Неужели, господи?! – Где ты, черт возьми?!

– Я? Я на даче.

Ася уже не знала, радоваться ей или горевать из-за того, что с ней случилось минувшей ночью. Окажись она у себя дома в восемнадцать тридцать, как обычно, может, все и пошло бы совсем не так. Она бы приготовила пятничный ужин, состоящий, как правило, из обязательных

Ленькиных креветок, запеченных в слоеном тесте в гриле, салата с маслинами и ветчиной и копченого угря с пивом.

Она бы все это быстренько приготовила, накрыла бы стол, включила видеомэгнитофон с непременно́м триллером и принялась бы ждать возвращения Леньки со службы. Если бы ей повезло, он бы пришел через час, если нет – то ближе к полуночи.

А что произошло вчера?

А вчера все пошло совсем не так. Вчера она вдруг взбунтовалась и не поехала домой, хотя он просил ее попробовать поджарить... бананы. Позвонил ей ближе к обеденному перерыву и попросил. Она и собиралась ему их поджарить, хотя ее воротило от этого изыска. И даже купила целую низку этих самых бананов, намереваясь зажарить в кляре со специями и ванильной пудрой. А потом... Потом, выйдя из магазина, она села в машину и набрала его сотовый, а он не пожелал ей ответить, сказавшись недоступным. Она снова и снова набирала и без конца слышала один и тот же ответ. И вот тогда-то она послала ко всем чертям их непременно́й совместный ужин в конце рабочей недели, а поехала туда, куда исправно ездила последнее время. Ну и, как водится, увидела своего Леньку, прыгающего через лужи, с неизменной кожаной папкой под мышкой...

– Почему ты на даче, а не дома, дорогая? – Голос мужа капризно надломился. – Я ждал тебя с одиннадцати! А ты так и не пришла! Я не знал, что и думать. Не знал, где ты! Сашка тоже не знала. Она, между прочим, заходила на огонек. Да так и ушла, тебя не дождавшись.

Вопрос, где его мотало до одиннадцати ночи, Ася благо разумно опустила. Она же прекрасно знала, где он был, чего же тогда! И еще она знала, что быть умной – это значит никогда не спрашивать о том, на что нельзя ответить. Умной себя считать ей очень хотелось и нравилось...

– Я звонила тебе, Лень, – спокойно ответила Ася, прислушиваясь к шуму внизу.

Ванька наверняка понял, с кем она разговаривает, и бунтует теперь, грохоча кастрюлями и сковородками. Просиди она тут еще минут десять, начнет дом разбирать по частям. Вот характер, а!

– Я звонила тебе, – повторила она. – Ты был недоступен.

– Конечно, недоступен! – обрадовался непонятно чему ее муж. – У меня же, дорогая, мобильный разрядился. Я приехал домой, поставил телефон на зарядку и тут вдруг обнаружил, что и деньги закончились. На счете ноль, понимаешь! Ну, не бежать же посреди ночи за карточкой!

«Как все удачно сложилось», – просилось наружу саркастическое, но Ася снова промолчала. Она умела быть терпеливой, когда дело касалось ее Ленечки.

– А с домашнего я звонить не стал, – продолжал он оправдываться. – Сама же знаешь, как это дорого.

– Действительно, – все же не выдержала она, вежливо и совсем незаметно для него съязвив. – Ну, да ладно. Не позвонил, значит, не позвонил.

– Ась, ну чего ты? – обиженно протянул Леня. – Я и правда волновался... Ладно, проехали. Так чего тебе вдруг понадобилось на даче? Там что, вся семья собралась?

– Да нет. Не вся. Ивану срочно понадобилось на дачу, а машину он приятелю одолжил. Вот и попросил меня отвезти его туда, ну а я не отказала, – поведала мужу Ася совершеннейшую правду. Ну ладно – малую часть ее. Но ведь не соврала же!

– А-а, понял... – Леня помолчал с минуту, переваривая услышанное, потом осторожно поинтересовался: – Если я правильно понимаю, вы с ним помирились?

– Вроде того.

– Ну и хорошо, а то я просто измучился из-за вашего бойкота. Не знаешь совершенно, как себя вести с твоей родней... Вот и хорошо, что помирились.

В Ленкины мучения Асе верилось слабо. Он в их семье был скорее беспристрастным сторонним наблюдателем. Одно время ей даже казалось, что разрыв ее отношений со сводным братом доставляет Леониду тайное удовлетворение. Она же в то время осталась совсем одна. Ваньки рядом не было, Сашка на звонки не отвечала и домой к себе не пускала, ссылаясь на занятость. Нет, мучиться из-за ее проблем Ленка уж точно бы не стал. Да и обрадовался он как-то неубедительно. Хотя, может, она к нему просто придирается?

– Ась, ты когда домой-то? – снова вклинился в ее мысли капризный Ленкин тенорок.

– Соскучился? – хмыкнула она недоверчиво.

– А ты как думаешь! Конечно же, соскучился! Да и, знаешь... – Ее муж сделал паузу и чем-то зашуршал. – Черт, уронил. Тут тебе с утра письмо какое-то странное принесли.

– Какое письмо?

– Не знаю. Заказное. Я не вскрывал. Ты же знаешь мою щепетильность, дорогая. Странно, знаешь, что? – Он снова зашуршал. Видимо, конвертом. – На письме нет обратного адреса.

– Ладно, приеду и прочту, кто там мне и чего написал. – Шум в кухне сделался просто невыносимым, и теперь к нему еще примешивалось безобразное Ванькино пение.

Петь так, как пел Ванька, было нельзя. За такое пение, по мнению Аси, нужно сажать в тюрьму или на худой конец изолировать от общества. Ваньку ее мнение иногда волновало, когда он был по-особенному, по-родственному к ней расположен, а иногда нет. Сейчас был как раз тот самый второй случай. То есть он явно хотел ей досадить. Пора было сворачиваться с милым супружеским щебетом и переходить к менее приятной части плана на день сегодняшней. Пора было спускаться в кухню и отвечать на пристрастные Ванькины вопросы.

– Ладно, милый, пока. Я иду в кухню. Там Иван, и он... – Ася слабо улыбнулась. – Он поет!

– Понял. – Леонид делано расхохотался. – Тогда поспеши. Да, чуть не забыл! У нас совершенно нечего есть. Холодильник пустой. И даже хлеба нет. Ты не задерживайся особо. У меня сейчас, знаешь, с деньгами не очень. Ну, ты понимаешь...

Конечно, она понимала. Еще бы ей было не понять. Он выделял ей на ведение хозяйства средства и сверх того тратиться не собирался.

– Я поняла, дорогой. Пока... До встречи...

– Ага, пока... Ты ведь недолго, да? Я очень голоден. Все чипсы поел! Пока, пока, жду!

Ася убрала мобильник в сумочку, чтобы больше не возвращаться в спальню, подхватила с пола пакет с грязными вещами. И пошла на Ванькин отчаянный рев, под которым подразумевалось пение.

Медленно спускаясь по лестнице, Ася позволила себе немного поразмышлять.

Ленка сказал, что дома был с одиннадцати. Свет в квартире номер восемь загорелся в половине одиннадцатого. Хватило бы Ленке полчаса на то, чтобы добраться до дома? Вполне. Как он выходил, Ася не видела, стало быть, вышел он через черный ход. Может быть, заметил ее машину? Может быть, хотя она всегда предпринимала меры предосторожности. Хотя мог машину и не видеть, а просто выйти через черный ход. Или... или другая машина привлекла его внимание. Та самая, которую сама Ася не заметила поначалу, а заметив, сразу испугалась. Кто знает, как долго та стояла на парковочной площадке. Может быть, и Ленку она напугала? Надо бы спросить у сводного братца, не запомнил ли он номер той «восьмерки»...

– Привет! – Ася швырнула пакет с сумочкой на полку под зеркалом, встала в дверях кухни и, опершись руками о притолоку, попросила: – Вань, прекрати, а!

– А-а напоследок я скажу-уу!!! – продолжил завывать Ванька-ирод, переворачивая куриные ножки в глубоком сотейнике. – Проща-ай, люби-ить не обя-язуйся!!! Привет, сестренка. Наговорила, как меду напилась? Как там наш любимейший из любимых, красивейший из красивых поживает? Соскучился, поди, по мамке-то? Не спалось ему, сердечному, не

пилось и не елось! Хотя о чем это я?! Покушать без тебя они не могут, наверняка голодные сидят. Так ведь, чучело?

Вопросы носили характер риторический, поэтому отвечать Ася на них не собиралась. Она прошла к столу, села и, потянувшись к чайнику, спросила:

– Ни до чего не додумался за ночь?

– Ночью я имею обыкновение спать, – нараспев произнес Иван и выключил газ. – Ты как насчет ножек Буша? Положительно реагируешь?

– Да давай, что ли. – Ася отодвинула от себя на время чайник с кружкой и придвинула поближе тарелку с вилкой, которые Ванька для нее приготовил. – Пора бы уже поесть по-человечески. Ты их с чем жарил?

– С паприкой, как ты любишь, – похвастался Ванька, любовно оглядел разложенные на тарелке ножки и пробормотал: – Вот повезет моей супруге, вот повезет... И приготовить смогу, и...

– Ага, и спеть смогу, и сплясать смогу, а смерть придет, помирать буду! – Ася даже расмеялась. – Сможешь умереть за любимую, Ванька? Или кишка тонка?

И вот тут ее сводный брат, которого за десять прожитых с ним бок о бок лет она, казалось, изучила вдоль и поперек, удивил ее совершенно. С диким грохотом бросив сотейник на плиту так, что румяные куриные ножки смешно подпрыгнули в нем, Ванька вдруг злобно просипел, глядя мимо нее:

– Ты бы помолчала, Ася! Я тебя как старший брат, как человек, как мужик, в конце концов, прошу: не буди во мне зверя! Поняла или нет?

Она не успела ни обидеться, ни испугаться, хотя вид у ирода был совершеннейше безумный. Она только молча кивнула ему, что да, мол, согласна. И тут же потянула к себе тарелку с курятиной.

– Вот и молодец, чучело! Трескай лучше и не провоцируй меня!

Он снова загремел посудой, наваливая себе целую гору ножек. Со стуком поставил тарелку на стол, двинул стулом, опускаясь, и тут же запоздало порекомендовал:

– Их нужно есть вот с этим соусом.

Ася, не споря, пододвинула к себе соусник. Послушно плеснула молочно-кисельной бурды на край тарелки, обмакнула туда хлебную горбушку и опасно отправила хлеб в рот.

– У-умм, а здорово, Вань. Правда здорово! Хоть ты и зверь, но готовить умеешь. – Ася даже глаза зажмурила от вкуса пряной подливки. – Чего ты туда намешал, если не секрет?

– Секрет, – огрызнулся ирод и виновато глянул на нее исподлобья. – Ты прости меня, Аська. Я зверею, когда во мне сомневаются. Особенно ты...

– Так ничего такого я тебе и не сказала, просто пошутила. К тому же это не то песня, не то частушка, включил бы ее в свой репертуар.

– Издеваешься, да? Ну, ну, давай, продолжай в том же духе! – Он укоризненно мотнул лобастой головой, обгрыз куриную косточку и положил ее на край салфетки. – Кости не выбрасывай. Заберу собаке дворовой, она всегда меня ждет, в отличие...

– От кого? – Ася просто так спросила, без всякого любопытства, без тайных мыслей и побуждений, по инерции спросила, а Ванька тут же сделался мрачнее тучи, что бороздили небо с самого утра. – Ну, извини, извини. Я ведь ничего о тебе не знаю, Вань, в последнее время... Я же не могу знать, кто и когда разбил тебе сердце. Ой! Я, кажется, опять сморозила что-то не то, да?

А вот тут он почему-то не обиделся, а даже улыбнулся и снисходительно пробормотал:

– Сморозила, сморозила. Ешь лучше.

Доедали они в полной тишине. Иван почти не поднимал глаз от тарелки, с аппетитом расправляясь с куриными ножками. Ася же украдкой бросала на него взгляды. Воровато разглядывала его и находила все новые и новые перемены во внешности брата.

Во-первых, вопреки ее критике, он сильно похудел. Страдает, решила она. Отчего тут же выиграло любопытство. Влюбился! Несчастливая любовь! Вон и складки носогубные появились, а раньше их не было. И вокруг глаз морщин прибавилось, а ему всего-то ничего – тридцать три. Во-вторых, что-то такое сделалось с его взглядом. Как будто мелькала в его глазах какая-то недоговоренность. Причем недоговоренность эта носила отчетливый тоскливый оттенок.

Точно, страдает...

И вот тут ее кольнуло. А ведь вполне может быть, что это не он Сашку бросил, а она его! Почему нет? Никто же из них Асе причин разрыва не объяснял, все имеющиеся у нее выводы она делала, исходя из своей чисто женской логики и солидарности. К тому же, наученная горьким супружеским опытом, Ася не могла думать иначе. В соответствии опять-таки с женской логикой и солидарностью все мужики – козлы и сволочи. Но бывает ведь и по-другому. Так что и тут, у Саши с Ванькой, вполне может быть как раз тот, другой, случай.

Бедный, бедный Ванька... В горле у Аси немедленно запершило от жалости. Она его обвиняла, ругала, не разговаривала с ним, а он всего лишь жертва обстоятельств. Прямо как она сейчас. Вспомнив о себе, Ася окончательно расстроилась, и в горле засадило уже невыносимо.

– Ты чего это рассопливилась? – буркнул вдруг Ванька недовольно, сразу перестав казаться ей несчастным. – Расскажи лучше, чего тебе твой дятел начирикал.

– Вань! Я же просила без оскорблений!

– Дятел – это прежде всего тварь божья, – с противной ухмылкой произнес ирод, взял в руки чайник и начал разливать кипяток по чашкам. – Чай, кофе, сударыня?

– Чай... – Она дождалась, пока пакетик в чашке начнет распускать в кипятке коричневые фалды, и потянулась к сахару. – А дятел, как ты изволил выразиться, с одиннадцати ноль-ноль был дома. Так что его причастность к ночному происшествию больше не обсуждается.

– Не факт, – упрямо мотнул головой Ванька. – Этому еще надо найти подтверждение. Болтать он может что угодно.

– К нему заходила... Саша. – Асе пришлось это сказать, потому что Ванька в противном случае стоял бы на своем. – Она иногда заходит к нам по пятницам и...

– Мне неинтересно, – оборвал ее сводный брат на полуслове. – Ладно, допустим, что он в одиннадцать был дома. И что? Кто мешал ему перед уходом из квартиры шарахнуть свою даму сердца головой об угол комода?

– Там не было комода!

– Я, к примеру, Ась, не будь тупой. – Иван с шумом отхлебнул кофе из литровой кружки и, откусив почти полбулки с маком, пробубнил с набитым ртом: – Это мог быть шкаф или угол комнаты, или ручка двери... Да что угодно! Он ее бьет, поджигает квартиру и смывается. Все сходится, милая!

– Ничего не сходится, милый! – вернула братцу Ася его елейную нежность. – Свет в квартире зажегся около десяти. В половине одиннадцатого он погас. То есть когда Леня ушел. А в два он снова зажегся и уже больше не потухал. А потом запольхали занавески. Вопрос к тебе: как могло случиться так, что свет зажегся, если Леньки там уже не было, а дама была без сознания. Это она, по-твоему, свет включила? Полежала, полежала за диваном, потом встала, включила свет, подожгла занавески и снова легла за диван. Так, что ли?

Ванька из природного упрямства промолчал. С диким присвистом выщедил остатки кофе. Поднялся и принялся сгребать тарелки со стола. Спорить он больше не спорил, но отчаянно пытался найти в ее словах брешь. Не нашел...

– Логика в твоих словах есть, это факт. Но все равно, твой пегас не может быть не замешанным. Зачем-то он на эту квартиру поперся!

– А то ты не знаешь, зачем, – вырвалось у Аси. – Я вот что думаю...

– Что? – Ванька как раз принялся мыть посуду и на нее не смотрел. – Что ты думаешь, чучело? Какие еще оправдывающие этого козла моменты отыщешь?

Крупные мышцы ирода перекатывались под туго натянутой на спине футболкой, руки сновали туда-сюда чуть ли не по локоть в мыльной пене, тарелки громыхали, чашки со свистом развешивались на крючках. Столовая тряпка просто играла в его руках, вытирая стол, мойку и край сияющей раковины. Все это легко и непринужденно. Ну, находка просто, а не мужчина. Почему же до сих пор так никто из представительниц женской половины рода человеческого не захотел стать счастливой? Наверное, потому, что характерец у сводного братца был еще тот... Хотелось, ох как хотелось Асе предъявить сейчас ему счет за козла, но она сдержалась. Спор затянется, а времени нет. Дома Ленька, и он ждет ее, и он голодный. А в багажнике ее машины пакет с продуктами валяется со вчерашнего вечера. Нет, спорить некогда, нужно спешить домой...

– Я думаю, что к барышне приложился либо ее ухажер, либо муж, либо любовник. Любая из этих категорий тянет на приобретенные рога, поэтому мотив преступления очевиден. – Ася встала, потянувшись с хрустом и пробормотала: – Так что, Ванька, хочется тебе или нет, Ленькина вина здесь только в том, что...

– Что он никогда не любил тебя по-настоящему, – прокаркал Ванька, не поворачиваясь. – Что он изменял тебе с этой курвой. Так? Это ты вменяешь ему в вину и, не моргнув глазом, прощаешь?

– Но он же никого не убивал! – возмутилась Ася, подлетела к ироду и с силой опустила на его крепкую спину туго сжатые кулачки. – Чего ты к нему привязался?! Что ты вообще ко мне привязался?! Твое-то какое дело, кого и за что я прощаю?!

Футболка на Ванькиной спине натянулась так, что, казалось, еще мгновение, и она точно треснет. Бычья шея с выбритым затылком словно окаменела. А руки, занятые до сего момента мытьем раковины, молниеносно напряглись, заиграв мускулатурой.

– Прости меня, Вань, – попросила жалобно Ася и попятилась. – Ну, прости меня, я не хотела.

– Не хотела чего? – спросил он чужим, неузнаваемым голосом.

– Не хотела будить... этого, как его... зверя... – И она отчетливо ненадуманно всхлипнула. – Я больше так не буду!

Ему на спину словно сыпанули раскаленных камней. Лопатки дернулись и потянулись к позвоночнику, собрав туго натянутую футболку морщинами. Потом Ванька бодливо мотнул головой и глухо бормотнул:

– Проехали, чучело.

К ней он так и не повернулся. Какие чувства обуревали ее сводного брата в тот момент, Ася могла лишь догадываться. Но догадываться она не стала. Она спешила домой. Очень спешила. Да и пауза, повисшая после этой дурацкой сцены, оказалась очень напряженной, что опять-таки подвигло ее на скорые сборы.

– Я в машине, – обронила она уже от двери, зашнуровав ботинки и застегнув куртку. – Ты не копайся тут. Давай быстрее.

Ася вышла на крыльцо дома и едва не задохнулась от сильных порывов ветра, швырнувших ей в лицо пригоршни ледяного дождя.

Вот тебе и апрель...

Пора бы уже, ой давно пора солнцу приниматься за работу! Разорвать в клочья тугие упрямые облака, сыплющие на землю студеной водой. Поскорее затянуть раскисшие колеи. Заставить замершую от холодов и утренних заморозков траву всколыхнуться буйной сочной зеленью. Просушить дворные скамейки и песочницы и наполнить улицы и дворы счастливым детским щебетом. А то что это за весна: то мороз, то ветер, сшибающий с ног, то дождь ледяной! В воздухе даже никакой свежести будоражащей не носится, как бывает обычно с приходом апреля. Никакого вам ни птичьего шелканья, ни набухших почек. И ручьи по городу тянутся лениво, неторопливо, будто и не гонит их никто...

Ася сошла со ступеней и тут же против воли выругалась. Так она и знала!

Мамашины дорожки насквозь пропитались водой. Ноги в коротких ботинках утопали по щиколотку. Гравий расползся, напоминая кисель. Ну, что за глупая баба ее мачеха! Выстелили бы подъездную дорожку плиткой либо заасфальтировали. Нет же, не модно это сейчас. И экологически не так чисто... И еще была масса доводов, идущих вразрез с Асиными представлениями о существе разумном.

Кое-как пробравшись сквозь каменистое болото, Ася остановилась у машины и огляделась. Унылый пейзаж был в полном порядке. То есть, как всегда, порядок отсутствовал. Березы, их молодая поросль, обступающая поляны. Гнилая прошлогодняя листва, глянцево поблескивающая под дождем. Когда-то еще сквозь нее трава пробьется... Уныло, черт. Так уныло, что впору с разбегу за руль и на скорости отсюда. Но нельзя. Нужно Ваньку-ирода еще забрать, раз уж сюда потрудились доставить.

Ася села в машину, зябко передернулась всем телом и завела мотор. Тот чихал, капризничал, но потом все же загудел ровно и непрерывно.

Ванька соизволил явиться, когда температура в салоне поднялась настолько, что Ася стянула с себя куртку. Сначала он долго топтался на крыльце, еще дольше запирали дверь, потом бесконечно долго дефилировал по расплзающимся под ногами гравийным дорожкам. «Мамкина идея», – так и просился у Аси с языка язвительный комментарий, но она решила быть благоразумнее.

Эта тема давно навязла на зубах и походила порой на вечный и бесполезный разговор невестки о любимой свекрови. Ванькина мамаша не была Асиной свекровью и быть ею не могла. Поэтому Ася и промолчала. Она с терпением, которое давно граничило с отчаянием, наблюдала за тем, как Иван подходит к машине. Потом очищает о березовый ствол грязные ботинки, отряхивает от дождя куртку и непокрытую коротко стриженную голову. Но стоило ему усесться рядом с ней, как она резко нажала на газ и рванула с места с такой скоростью, что едва не снесла чудом уцелевший столбик давно сгнившего частокола.

– Ты чего это, девочка, так разошлась? – поинтересовался Ванька, напугать которого было делом достаточно проблематичным. – Ждать устала?

– Допустим, – коротко обронила Ася в ответ, раздражаясь из-за мельтешащих перед глазами дворников.

– Да... Терпением тебя господь, стало быть, не наградил...

– Все? – прорычала она, выезжая на дорогу.

– Все!

– Тогда заткнись!

– О-о, как все серьезно-то... – философски-покровительственно изрек сводный братец, что Асю всегда бесило. – Как мы успели соскучиться-то...

– Я просила тебя заткнуться? Просила! – Тут она так неаккуратно совершила объездной маневр, пытаясь обойти раздолбанный «газон», что их едва не занесло на блестящей от дождя дороге. – Вот! Видишь, что ты делаешь?! Хочешь, чтобы мы в аварию попали?! Хочешь?!

– Я много чего хочу, чучело. Сейчас вот, например, мне очень хотелось бы надрать тебе задницу. Чтобы ты перестала наконец казнить себя от сознания собственной вины перед своим козлом...

– Я же просила тебя! – заорала Ася в полный голос, все набирая и набирая скорость. Машину швыряло в глубоких лужах, грязная вода заливала стекла. – Я просила тебя!..

– Да помню, помню: просила, чтобы я не оскорблял его, – вполне миролюбиво заявил Ванька и вдруг предложил: – Слушай, давай не будем больше ругаться, а? Мы так давно не виделись, а увиделись – и все время цапаемся. Непорядок же, а, чучело?

– Не зови меня чучелом, Вань. – Ася всхлипнула и начала сворачивать на обочину. – Я уже не та девочка-подросток, которую ты трепал за косы и все время дразнил чучелом!

– Тебя это задевало... – еле слышно произнес он и с болезненной гримасой хмыкнул: – Я же не со зла, Аська. Я же не знал тогда, что...

– Что? – Она заглушила мотор и уставилась на него, знакомого до боли и совсем-совсем чужого сейчас. – Что ты не знал тогда, Вань? Что я вдруг подрасту и обрежу эти дурацкие косы?

И тут он сграбастал ее голову своей огромной ручищей, потянул к себе, прижал к мокрой куртке на своей груди и глухо проговорил:

– Я же не знал тогда, что это все изменит...

Она слышала сквозь толщу мокрой ткани, как, беспокоясь за нее, колотится его огромное сердце. Слышала его голос, который вдруг снова стал казаться родным и совсем незабытым. И ей вспомнился другой день. Тот самый, несколько лет назад...

Точно так же Ванька прижимал ее тогда, когда она бросилась ему навстречу из обезьянника. Грязная, потная, с размазанной по лицу тушью и диким желанием доказать всему миру, что она ни в чем не виновата. Мир тогда отвернулся от нее в одночасье. Кто-то выставил тогда впереди себя щитом укоризну, как ее отец, например. Другие, такие, как мачеха, отгородились от нее удобной для того момента недоуменной брезгливостью. Один Ванька понял ее в тот день. Один Ванька не оттолкнул, хотя потом и ругался. Он так же, как сейчас, прижимал ее голову к себе своей огромной, как лопата, ладонью. Поглаживал по затылку и то и дело повторял:

– Ну, не плачь, чучело... Чего это ты рассопливиться решила... Ну, ну, все в порядке... Давай, заканчивай...

А она все рыдала и рыдала и не могла успокоиться. И от его участия, и от того, что он не выбежал из дежурки, как ее отец. И не отвернулся, как его мать, с фырканьем норовистой лошади. А просто держал ее в своих руках и утешал неуклюже и по-мужски. И сердце, Ванькино сердце так же колотилось тогда: бешено и беспокойно...

– Вань, я знаю, что думаю... – проговорила вдруг Ася тихо, потому что он внезапно и надолго замолчал.

– Что? – Его пальцы тихонько перебирали короткие волоски ее глупой стрижки.

– Я, наверное, никого из нашей семьи так не люблю, как тебя. – Она прислушалась: большее Ванькино сердце вдруг остановилось, потом резво подпрыгнуло и тут же дико, перебивая само себя, застучало. – Правда, Вань! Даже отца так не люблю, как тебя. А ты, Вань? Ты-то меня любишь? Или так же, как и мама твоя...

– Эх ты, чучело! – Его пальцы с силой вонзились ей в шею. Ванька вздохнул так, что ее голова подпрыгнула на его груди. – Конечно, я люблю тебя! Кто же еще тебя будет любить, как не я?! А что касается матери... Не суди ее слишком строго, Аська. Ей нелегко с тобой.

– А мне? Мне легко? – Она чуть было не вскочила, но его рука властно держала ее на мокрой куртке, и Асе пришлось подчиниться.

– Она злится на тебя, и в этом есть свой резон, – проговорил Ванька и успокаивающе потрепал ее по щеке другой рукой. – Но она тоже любит тебя, Аська. Злится, но любит, поверь мне. Я же никогда тебя не обманывал.

– Не помню, – все еще не хотела она сдаваться. – Кажется, нет. Но...

– Нет, не обманывал. Значит, ты должна верить мне. Мать любит тебя. Любит, но злится очень.

– Да за что? За что ей на меня злиться-то?! – Асе удалось выпростать свою голову из-под его пальцев, и она недоуменно уставилась на тяжелый профиль сводного брата. – Та давняя история с моим расследованием давно предана забвению и...

– И тут же, не задумываясь, ты решила затеять еще одну, – укоризненно качнул он головой. – С тобой ведь никогда не знаешь, на что нарвешься, Аська. Взять хотя бы твое скоропалительное замужество, которого никто не ожидал и...

– Так, стоп! – Она прижала холодные пальцы к его жестким горячим губам. – Замолчи немедленно, иначе мы снова повздорим. Замужество – факт свершившийся, и ругать меня за него как бы уже и поздно. А что касается новой истории... Так о ней мы просто забудем, и все!

– Как забудем?! – Ванька грубо оторвал ее руку от своего рта. Тяжело развернулся на сиденье в ее сторону. И злобно прошипел, высверливая зверским взглядом на ее лице дырки: – То есть как это забудем?

– А так! – Она все еще хотела казаться беспечной. – Пожар потушен? Потушен. Женщине жизнь спасли? Спасли. Чего же еще? Затевать расследование я уж точно не собираюсь на этот раз, будь уверен. Одним беспокойством меньше...

– Та-ак! – Ванька с такой силой ударил по дверной панели, что, казалось, едва не вынес хлипкую дверь старого «жигуленка». – Стало быть, ты хочешь повесить на Виталика покалеченную бабу и слинять? Втянула, значит, его в идиотскую историю и умываешь руки? Он по доброте душевной не смог тебе отказать, а ты теперь как бы и ни при чем! Я все правильно излагаю? Нигде ничего не перепутал?

Ася промолчала. Она недоуменно разглядывала насуспенное Ванькино лицо и силилась понять, что и где она пропустила. А пропустила она явно что-то важное, и из-за этого ее угнетало неприятное беспокойство.

Понятно ей было лишь одно: Ванька непоследователен. То она не должна была связывать себя никакими обязательствами в отношении раненой женщины, то вдруг он начал полыхать праведным гневом, призывая ее к ответственности.

Непонятно было другое – где же здесь логика? Что за прозрение его посетило с прошлой ночи? Что за идея родилась в его лобастой голове? Уж не движим ли он желанием обличить ее Ленку в свершенном злодеянии? А что, чем не мысль?!

– Короче, слушай меня внимательно, сестренка. – Ребро громадной Ванькиной ладони с прежней силой опустилось на переднюю панель. – Слушай и запоминай... С этой девкой, что ты навязала Витальке, будешь разбираться сама.

– Каким, интересно, образом? – Ася постаралась примирительно улыбнуться, но вышло очень кисло и неубедительно. – Заделаться ее сиделкой?

– Может быть, и так. Виталик скажет, что и как тебе нужно будет сделать. Ты поняла меня, Аська? Если понадобится, то станешь ей не только сиделкой, но и родной матерью и будешь горшки из-под нее выносить! – Ванька-ирод вдохновлялся все круче. – Это будет тебе хорошим уроком на будущее.

– И что, по-твоему, я должна буду почерпнуть из этого урока? – Ася завела мотор и, уступив дорогу отчаянно рвущему рычаг сигнала дальнобойщику, медленно выехала на трассу.

– Первое – ты должна будешь сама во всем разобраться.

– А второе – я во всем должна разобраться сама? Так, что ли? – Ася догадливо ухмыльнулась. – Я поняла твою мысль, Вань.

– Да что ты поняла, чучело? Возьми левее! Левее бери, говорю! Прицеп, видишь, как заносит, или нет? Ну, чучело, ей-богу, чучело... Ездить с тобой – та еще радость.

– Иными словами, – не обращая внимания на его инструкторские экзерсисы, продолжила Ася развивать свою мысль, – ты хочешь ткнуть меня в то, что буквально у меня под носом. Женщина очнется и сможет все мне рассказать. А если не очнется, то тот, кто не сумел убить ее, непременно попытается довести свое дело до конца. И вот тогда-то я точно узнаю, каким мерзавцем является мой муж. Я должна буду... Нет, я буду вынуждена признать, что он преступник и что ему не место рядом со мной. И вот как только справедливость будет восстановлена, все встанет на свои места. Устроится, одним словом. Папа признает свою дочь заново. Мачеха наконец перестанет на меня злиться. А ты перестанешь называть меня чучелом. Все счастливы и смеются. Все, конец истории...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.